

УДК 902/904

АНАНЬИНСКИЕ ДРЕВНОСТИ МАРИЙСКОГО КРАЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЙ)

© 2017 г. В.С. Патрушев

В статье дана характеристика древностей ананьинской культурно-исторической общности начала эпохи раннего железа Марийского Поволжья (IX/VIII–VI вв. до н.э.), представленных на десяти поселениях (Ардинское, Малахайские, Копаньское, Сиухинское, Токаревское, Васильсурское, Сиухинское, Иваногорское, Мари-Луговское), а также отдельных местонахождениях. Среди вещевых комплексов наиболее многочисленна керамика. Особенности посуды Марийского края отражает коллекция Малахайского поселения (по верхним частям выделено 424 сосуда): лепные, круглодонные, обычно с примесью толченых раковин, тонкостенные, близкие к чашевидным формам. Большинство сосудов украшены шнуровыми оттисками, нередко с ямками и реже с оттисками зубчатого штампа; другая группа украшена ямками и оттисками зубчатого штампа, а третья – только ямками: без орнамента всего 7 экземпляров. Абсолютное большинство сосудов обладают всеми характерными признаками керамики АКЮ. В современной классификации они могут быть отнесены к ананьинской культуре гребенчато-шнуровой керамики и постмаклашеевской. Керамика Марийского Поволжья наиболее близка к посуде памятников бассейна р. Ветлуги.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, городища, керамика, Среднее Поволжье, ананьинская культурно-историческая общность

Древности ананьинской культурно-исторической общности в Марийском крае относятся к VIII (возможно IX: Кузьминых, Чижевский, 2014) – VI вв. до н.э. (Халиков, 1977; Патрушев, 1984, с. 129–140, 201). Это время следует считать одним из самых важных в истории Марийского края, поскольку начинается господство орудий труда из железа. Распространение железных орудий вызвало невиданное развитие экономики. Коренные преобразования в хозяйстве стали причиной прогрессивного развития общественных отношений. Новые черты в хозяйстве и обществе совпали с важнейшими этническими процессами в крае – сложением этнических основ общности волжских финнов, общих предков мари, мери и муромы (Патрушев, 1984, с. 199, 200; 1988; 1989, с. 76–78, 87, 88; 1992, с. 66). Она складывалась в эпоху развитой бронзы в контактной зоне на основе восточного от Средней Волги населения приказанской (Халиков, 1980) или маклашеевской (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 31–34) культуры и западных племен с «текстильной» керамикой (Патрушев, 1989, с. 67–78). На поселениях и могильниках Марийского края в начальный период эпохи железа прослеживаются признаки обеих групп населения. Поэтому в 1960–1970-х гг. Марийское Поволжье некоторые исследователи относили к западной городецкой культуре (Смирнов, 1948; 1961; Третьяков, 1966; Трубникова, 1953; Гуляев, 1962), а другие – к восточной ананьинской (Халиков, 1962; 1969; 1977; Архипов, 1973). Особым (западново-

ским) вариантом ананьинской культуры ранее считал Марийско-Чувашское Поволжье и автор (Патрушев, 1971, с. 5). Однако явное отличие глиняной посуды, металлических предметов, погребального обряда памятников региона заставило пересмотреть вопрос об их культурной принадлежности, и автором они выделены в особую ахмыловскую культуру (Патрушев, 1984, с. 199, 201, 202). Наличие ананьинских и аозинско-меларских кельтов на волжских памятниках привело С.В. Кузьминых к выводу, что «погребения с ананьинскими кельтами и наконечниками копий в Старшем Ахмыловском, Аозинском, могильниках принадлежат ананьинской культуре, погребения с аозинско-меларскими кельтами в тех же могильниках – средневожской «текстильной» культуре, которую он затем называет аозинской (Кузьминых, 1977, с. 4; 1983, с.157). Но в целом до настоящего времени нет единого мнения о культурной принадлежности памятников Марийского края начала эпохи железа (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 33–35; Патрушев, 2009, с. 65–71; Чижевский, 2008 и др.).

Хотя интерес к ананьинским древностям Марийского края проявляется еще в дореволюционное время и небольшие исследования проводились в 1926, 1930-х и начале 1950-х гг., однако лишь после организации Марийской археологической экспедиции в 1956 г. под руководством крупнейшего специалиста по древней истории Среднего Поволжья А.Х. Халикова исследования памятников эпохи раннего железа принимают система-

тический и плановый характер (Халиков, 1962, 1977, с. 8–11, 21–44). Марийской археологической экспедицией и Археологической экспедицией Марийского государственного университета были проведены широкие разведочные обследования в Марийском Поволжье и прилегающих районах и раскопки Старшего Ахмыловского, Акозинского, Козьмодемьянского могильников (Патрушев, Халиков, 1982; Патрушев, 2013; Большов, 1988), Сиухинского, Токаревского, Копаньского, Малахайского, Васильсурского, Иваногорского, Мари-Луговского поселений (рис. 1) (Халиков, 1962; Патрушев, 1971; 1982; 1986, с. 25–27). Экспедицией Марийского университета совместно с экспедицией Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории исследовано Ардинское городище (Архипов, Патрушев, 1986).

Характеристике материалов раскопок поселений АКИО начала РЖВ Марийского Поволжья и прилегающих районов, причем с наиболее многочисленными комплексами, посвящена данная работа.

Поселения представлены 7 городищами (Копаньское, Васильсурское II, Ардинское, Токаревское, Хмелевское, Звениговское, Ельниковское) и тремя селищами (Малахайское, Сиухинское, Мари-Луговское). Характер двух поселений не определен (Иваногорское, II Акозинское). Городища в основном появились в эпоху раннего железа в результате освоения железа, вызвавшего глубокие перемены в экономике древнего населения. Развитие производительных сил, накопление ценностей стало причиной частых военных столкновений между первобытными общинами. Городища возникли как средство защиты ценностей в виде стад домашнего скота и запасов хлеба (Халиков, 1969, с. 282). Необходимость укрепления поселений отразилась и в выборе места городищ. Для них, в первую очередь, использовались труднодоступные высокие мысы, образованные террасой крупных рек и оврагами с крутыми склонами. Относительно узкая площадка мыса с napольной, не защищенной природой стороны укреплялись глубоким рвом и высоким, насыпанным из вынутой со рва земли валом. Вокруг площадки могли существовать и другие укрепления в виде деревянного частокола или плетня, обмазанного глиной, следы которых не сохранились.

Васильсурское II городище (рис. 1, 2). Городище расположено в 500 м к ЮВ от южной окраины рабочего поселка Васильсурска Воротынского района Нижегородской области на высоком мысу правого берега р. Суры, недалеко от ее впадения в р. Волгу (Халиков, Безухова, 1959; Халиков, 1962, с. 138). Площадка городища подтреуголь-

ной формы (80×30 м), площадью 1250 м² (Халиков, 1977, с. 8, табл. 1), густо заросшая лиственным лесом, ограничивается крутыми склонами высотой до 80 м, а с северо-востока ограждена высоким шишкообразным валом и глубоким рвом. Поселение было обнаружено и исследовано МАЭ под руководством А.Х. Халикова (1962) в 1958–1959 гг. Всего здесь вскрыта площадь в 836 м². Во всех раскопах отмечена характерная деталь – увеличение мощности культурного слоя по склонам площади; центральная часть площадки содержит лишь слой середины I тыс. н.э. мощностью 20–30 см. Стратиграфия культурных напластований выявила четыре разновременных памятника. Материал верхнего слоя в виде темно-серой супеси мощностью до 45 см датирован серединой I тыс. н.э. Под ним располагался слой коричневатой-серой гумированной супеси мощностью до 90 см, содержащий находки I тыс. до н.э. После переходного слоя желтовато-серой супеси идет слабо гумированный суглинок серовато-желтого цвета с находками, характерными для эпохи бронзы. В слое начала РЖВ вместе с многочисленными фрагментами керамики ананьинского облика и посудой с «текстильной» поверхностью обнаружены костяные черешковые наконечники стрел двух типов (четырёхгранный в сечении с одним боковым шипом и ромбический в плане с уплощенным черешком), поясной крючок, мотыжка и рукоять ножа из рога. Посуда Васильсурского II городища представлена двумя группами: а) круглодонными сосудами с примесью толченых раковин или иногда песка, с заглаженной поверхностью, орнамент – ряды ямок, нередко в сочетании с горизонтальными зонами шнуровых оттисков и в одном случае – с вертикальными отпечатками мелкозубчатого штампа; б) круглодонными сосудами с примесью песка в тесте, цилиндрическим горлом и плавным переходом шейки в тулово, «текстильными» отпечатками по внешней поверхности; орнамент – один или два ряда круглых ямок или клиновидных углублений (Халиков, 1962, с. 138; Халиков, Безухова, 1959, с. 123–156; Патрушев, 1986, с. 9).

Хмелевское городище (рис. 1: 3). Расположено в 800 м к западу от д. Хмелевки близ рабочего поселка Васильсурск Воротынского района Нижегородской области на узком мысу правого берега р. Волги между двумя оврагами. Площадка городища подчетырёхугольной формы (40×10 м) вытянута с юга на север с небольшим отклонением к западу. К югу она поднимается и в наиболее узкой части (ширина 8 м) имеет сильно оплывший шишкообразный вал (14×9 м) высотой около 2 м. Ров прослеживается слабо. Памятник открыт и обследован МАЭ в 1958 г. под руководством

А.Х. Халикова (1962). Тремя траншеями шириной 1 м и шурфом (3×1 м) в юго-восточной части памятника под дерном выявлен слабый культурный слой (5–10 см). По склонам в результате оползней слой увеличивается до 25–40 см. Культурный слой поселения дал две разновременные группы материала: 1 – эпохи бронзы (поздний период балановской культуры) из фрагментов круглодонной посуды с примесью шамота, песка и толченых раковин в тесте, кремневых отщепов, скребка и медного четырехгранного шила; 2 – эпохи раннего железа из фрагментов керамики, аналогичной посуде Васильсурского городища II. По аналогии с посудой Васильсурского II городища керамический материал Хмелевского городища датирован VII–V вв до н.э. (Халиков, 1959, с. 118–122).

Копаньское городище (рис. 1: 5). Расположено в 1 км к СЗ от д. Копани Троицко-Посадского сельсовета Горномарийского района Республики Марий Эл на крутом мысу правого берега р. Волги между двумя глубокими оврагами. Площадка городища подтреугольной формы длиной около 60 м и шириной немногим больше 25 м покато опускается с СВ на ЮЗ, где она переходит в крутой обрыв, разрушаемый весенними водами. Малодоступны также юго-восточные склоны мыса. С северо-восточной стороны площадка ограждена шишкообразным валом шириной около 20 м и высотой до 2 м (рис. 2). Наружный ров заплыл и почти незаметен. Площадка городища хорошо задернована и свободна от древостоя. Южный склон мыса к р. Волге переходит в узкую стрелку и покрыт густым листовенным лесом. С площадки городища открывается широкий вид на волжские просторы.

Первые сведения о Копаньском городище получены в 1928 г. от сотрудников Козьмодемьянского музея. В 1929 г. сотрудником Антропологической комплексной экспедиции МГУ Е.И. Горюновой на площадке городища и на валу были заложены раскопы общей площадью 46 м² (Халиков, 1962). Материал раскопок 1929 г. частично сохранился в Национальном музее Республики Марий Эл им. Т. Евсеева. В 1952 г. на городище небольшие раскопки произвела Р.В. Чубарова (1953), а в 1958 г. городище осмотрено А.Х. Халиковым (1962). В 1964 и 1971 гг. раскопки городища производились автором (Патрушев, 1965; 1972). Четырьмя раскопами и траншеей общей площадью 588 м² вскрыта почти вся свободная площадь городища, где содержится культурный слой. По трубчатой пронизке из свернутой медной пластины, бронзовой круглой накладке, аналогичным украшениям головного убора из Акозинского могильника VII–VI вв. до н.э., бронзовой бляшке с четырьмя выпуклинами VI в. до н.э. (по: Либеров, 1956,

с. 149), городище еще в 1964 г. датировано VI в. до н.э. Такая дата подтвердилась находками 1971 г. (рис. 3): обломком железного топора (по: Замятнин, 1961, с. 31) и парной бляшкой из бронзы (рис. 3: 4, 10). Тогда же были найдены фрагменты тиглей двух форм – с плоским и уплощенным дном (рис. 3: 7, 8). Высота первых достигает до 4,2–5,2 см, диаметр 3–4 см, толщина 10–13 мм.

Из глины изготовлены пряслица из стенки сосуда, овальное в сечении и одно грибовидное, «дьякова» типа, украшенное по одной широкой поверхности ямками (рис. 3: 3, 4). Обнаружены также фрагменты литейной формы для отливки украшений и глиняной плиты подпрямоугольной формы толщиной 1,6 см, шириной 14 см (рис. 3: 14). Последняя по одной широкой плоскости у края длинных сторон имеет желобки. В тесте присутствует примесь песка. Плита хорошо обожжена. О назначении плиты говорить трудно. Она могла служить, судя по обожженной поверхности, формой для отливки медных пластин. Костяные изделия немногочисленны (рис. 3: 5, 9, 13). Это рукоять ножа, пластинчатый наконечник стрелы с черешком, наконечник мотыги из трубчатой полой кости с отверстием для крепления. Она могла служить, судя по обожженной поверхности, формой для отливки медных пластин. Найдена также низкая тарелочка из человеческого черепа диаметром около 12 см (рис. 3: 12) и костяная лопаточка, возможно, используемая в бортничестве (рис. 3: 9). Все находки относятся к VII–VI вв. до н.э. (Патрушев, 1986, с. 14).

Ардинское городище расположено в 300 м к ЮВ от д. Сенюшкино Килемарского района Республики Марий Эл и занимает мыс длиной 58 м, выступающий с запада на восток от коренной террасы речки Арды, левого притока р. Волги. Ширина заросшей лесом площадки 28–30 м. Площадь около 1600 м². Высота площадки от уровня поймы речки 17–18 м (рис. 4). С напольной стороны имеется дугообразный вал высотой около 2 м от прилегающей части площадки городища и 3,5 м от дна рва. Вал расплывчатый, а ров несколько заплывший. Вал и ров каждый имеют ширину около 10–11 м.

Памятник исследовался совместной экспедицией МарГУ и МарНИИ (Архипов, Патрушев, 1976; Архипов, Патрушев, 1982). Три раскопа и траншея общей площадью 456 м² выявили два культурных слоя. Верхний, представленный темно-серой гумированной супесью мощностью 10–20 см, а у вала до 50 см, дал материал древнемарийской культуры: фрагменты плоскодонной керамики серого и коричневого цветов с примесью в тесте шамота без орнамента или реже с ямочными вдавлениями, кости животных, обломки терочных

плит, куски железной крицы и нож с прямой спинкой. Нижний слой городища, относящийся к раннеананьинскому времени, состоял из светло-серой гумированной супеси мощностью от 10 до 75 см. В южной части площадки городища этот слой выклинивается. Количество находок ананьинского времени увеличивалось к северу, где слой подстилается углисто-золистой прослойкой. Возможно, в древнемарийский период площадка разравнивалась и культурный слой более раннего времени оказался по краю площадки городища или же по склонам. Именно в квадратах по склону обнаружено основное число находок. Кроме многочисленных фрагментов керамики и костей животных здесь обнаружены (рис. 5: 1–13): фрагменты пластин из бронзы, одна из них с треугольными узорами, кремневый черешковый наконечник стрелы с подтреугольным пером, железный нож с дуговидной спинкой, фрагменты глиняных тиглей, оселков из плотного коричневатого песчаника, лопаточная кость животного с вырезанными знаками в виде двойных ломаных линий. Интерес представляют крупные фрагменты от двух половинок литейных форм из плотного серого песчаника для отливки наконечников копий ананьинских форм. Подобные бронзовые наконечники характерны для VII–VI вв. до н.э. Этим же временем может датироваться нижний слой городища.

Токаревское городище расположено на узком останце мыса второй террасы правого берега Волги в 1,5 км к ВСВ от д. Токари Кузнецовского сельсовета Горномарийского района Республики Марий Эл (рис. 1: 18). Площадка городища длиной 40 и шириной до 12 м относительно ровная и в настоящее время сильно разрушается. По свидетельству местных жителей, раньше на площадке находился сторожевой двор Токаревского перевоза (в данное время он выстроен западнее) и площадка использовалась под огород. Северо-западный край площадки заканчивается небольшим возвышением – расплывшимися и разрушенными остатками вала. Поселение открыто в 1951 г. Р.В. Чубаровой, в 1958 г. обследовано А.Х. Халиковым (1962). Им установлено наличие на памятнике остатков стоянки волосовской культуры и поселения РЖВ, материал которого близок комплексам Васильсурского II городища VII–V вв. до н.э. (Халиков, 1962, с. 102–104). В 1970 г. городище исследовалось автором (Патрушев, 1970). Раскоп общей площадью 92 м² дал следующую стратиграфию культурных напластований: 1 – дерн и поддерновая супесь (5–10 см); 2 – темная гумированная подзолистая супесь, на некоторых участках с угольками (12–25 см), представляющая собой перемешанные слои эпох бронзы и раннего железа, а также

содержащая строительный мусор и железные вещи недавнего прошлого. Ниже идет материк – коричневатый суглинок. Разрез вала в северо-западной части раскопа выявил единовременную его насыпку в ананьинскую эпоху, сильно разрушенную при прокладывании дороги. Северо-западная часть вала не сохранилась. Не осталось и следов рва. Прежде вал, вероятно, имел сложную конструкцию, о чем свидетельствуют углистая прослойка в юго-восточном склоне вала, наличие камней и кусочков обожженной глины.

Вещественные материалы эпохи раннего железа представлены фрагментами круглодонной посуды с примесью песка и толченых раковин в тесте. Всего выделено 14 сосудов. Три сосуда с раковинной примесью в тесте содержат «текстильные» отпечатки. Керамический комплекс Токаревского городища имеет близкие аналогии в посуде Васильсурского II городища. Токаревское городище по расположению отличается от остальных рассмотренных городищ. Подобное расположение на невысоких мысах более характерно для селищ.

Звениговское городище, известное как городище Карабаши (рис. 1: 27), расположено на мысу, образованном коренной террасой правого берега р. Волги и оврагом, в 3 км к западу от г. Звенигово Республики Марий Эл (рис. 7) (Патрушев, 1979). В 6 км к ЮВ от городища находится деревня Карабаши (Чувашская Республика).

Площадка памятника (62×28–38 м), вытянутая с ВЮВ на ЗСЗ, хорошо задернована и покрыта лиственным лесом. С напольной стороны четко прослеживается тройная линия укреплений (рис. 6). Первый вал шириной 12, длиной 42 и высотой 2,5 м. К западу от рва имеется свободная площадка шириной 12–14 м. Вторая и третья линии укреплений имеют более узкие и длинные валы и рвы подковообразной формы (рис. 6). Городище известно с 1930-х гг., обследовано в 1977 г. разведочным отрядом и частично раскапывалось в 1978 г. экспедицией МарГУ (О.В. Данилов, В.С. Патрушев). Траншеи в северо-западной и восточной частях площадки выявили стратиграфию: 1 – дерн, перегной – 5–7 см; 2 – темный гумированный суглинок – 10–72 см (культурный слой), 3 – светлый суглинок (материк). В культурном слое, мощность которого возрастает по склону площадки, найдены немногочисленные фрагменты древнемарийской плоскодонной керамики с примесью шамота без орнамента, кости животных и керамика ананьинского облика с примесью толченых раковин в тесте, украшенная шнуровыми оттисками, круглыми, подтреугольными и глазчатыми ямками (рис. 14: 1–11) (Патрушев, 1986, с. 19, 20). Среди находок встречены и

небольшие фрагменты посуды с «текстильными» оттисками. Материал раннеананьинского времени близок керамическим комплексам памятников VII–VI вв. до н. э. Марийского края и может датироваться этим временем.

Ельниковское городище (рис. 1: 21) расположено на правом берегу р. Волги в 2 км севернее д. Ельниково Чебоксарского района Чувашской Республики. Площадка городища (58–20 м) занимает узкий мыс подтреугольной формы между двумя оврагами и возвышается над уровнем р. Волги на 35 м. В юго-восточной части площадка защищена валом высотой 2,5 м и рвом шириной 3,3 м, глубиной 0,5 м. (Каховский, 1960; Третьяков, 1948, с. 66). Остатки расплывшегося вала длиной 8 м и высотой 0,3 м прослеживается также в северо-восточной части площадки. Площадка покрыта лесом. Городище впервые обследовано П.Н. Третьяковым в 1930 г., но разведочные раскопки находок не дали. В 1960 г. В.Ф. Каховским четырьмя раскопами и двумя шурфами вскрыто 76 м². Культурный слой мощностью до 25 см в виде гумированного подзола темно-серого цвета залегал под задернованным светло-серым подзолом. В культурном слое на разных участках площадки выявлены очажные пятна диаметром до 45 и мощностью до 30 см, заполненные углем и золой. Вокруг них отмечены скопления фрагментов сосудов и костей животных. В керамическом материале городища преобладают фрагменты тонкостенных лепных сосудов серого цвета с заглаженной поверхностью с примесью толченых раковин, песка, шамота и дресвы в тесте. Дно круглое. Большинство сосудов с плавным переходом прямого, прикрытого или отогнутого горла в слабо выпуклое тулово. В верхней части сосуды украшены круглыми ямками, клиновидными углублениями, горизонтальными зонами шнуровых (на одном – зона коротких вертикальных) оттисков, крупнозубчатым штампом.

Ельниковское городище В.Ф. Каховским отнесено к ананьинской культуре и датировано серединой I тыс. до н.э. Исследователь указывает, что керамика содержит сложный и богатый орнамент, сближающий ее с посудой ветлужских городищ. Однако облик сосудов более близок к западноволжским раннеананьинским памятникам – Малахайскому селищу и Копаньскому городищу, датированным VII–VI вв. до н. э. Отмеченная В.Ф. Каховским сложная и богатая орнаментация посуды, скорее всего, является не территориальным, а хронологическим признаком и указывает на раннюю дату памятника. Поэтому нижнюю дату городища, очевидно, следует ограничить VI в. до н.э.

Малахайские поселения (рис. 1: 15). Поселения расположены в 1,5 км к СЗ от д. Токари Кузнецовского сельсовета Горномарийского района Республики Марий Эл на правом берегу р. Волги (рис. 7). На коренной террасе, возвышающейся над уровнем Волги на 30–40 м, расположено Малахайское городище с двумя линиями укреплений, а за его валами – неукрепленное поселение и под ними на второй террасе – селище.

Все поселения, как показали обширные раскопки автора, в основном дали близкий керамический материал: фрагменты сосудов раннеананьинского восточного облика с заглаженной поверхностью, гребенчато-шнуровым и ямочным орнаментом, и примесью толченых раковин в тесте и небольшое число посуды с ниточно-рябчатыми отпечатками и примесью песка (Патрушев, 1972; 1982).

Вскрытие значительной части памятников позволяет создать более целостную и правильную картину их использования древними племенами. Прежде всего, это касается укрепленного поселения. На раскопанной части памятника не встречена городецкая керамика. Поэтому его культурная принадлежность должна быть пересмотрена: отнесение к городецкой культуре (А.П. Смирнов, П.Н. Третьяков, Н.В. Трубникова, А.Х. Халиков) строилось на ошибочном отождествлении «текстильной» керамики с городецкой посудой. На городище неравномерно представлены три эпохи:

1. Единичными фрагментами керамики чирковско-сейминского облика представлена эпоха развитой бронзы. Стратиграфически слой с находками этой эпохи не выделяется.

2. К РЖВ относится керамика АКЮ и обнаруженная в тех же слоях и объектах «текстильная» керамика. Мощность слоя в виде серой супеси по склонам достигает до 80 см.

3. Картину длительного использования городища в железном веке раскрывают многочисленные находки керамики древнемарийского облика. Слой темно-серой супеси с находками этого времени доходит до 40–60 см. В этом же слое найдены два фрагмента болгарской керамики.

Для нас особый интерес представляет жилище ананьинского времени. Судя по углистой массе на месте жилища и стратиграфическим наблюдениям, оно было наземного типа размерами 12,4×3,4 м со слабо углубленным в землю котлованом, деревянными стенами, очевидно, из бревен, поддерживаемых с двух сторон столбами, двускатной крышей, опирающейся на балку и стену.

Внутри жилища находились два очага (один из них был обложен известняковыми и песчаниковыми каменными плитами). Жили-

ще было вытянуто с запада на восток. В жилище можно было попасть с помощью крытого хода, расположенного по южной длинной стене дома. К северной стене с внешней стороны примыкал пристрой или навес.

Кроме многочисленных фрагментов керамики (700 сосудов ананьинского облика и 12 с «текстильной» поверхностью), на городище обнаружены тигли для плавки металла, терчоники, песты и растиральные плиты, каменное ядро для пращи, наковальни из плотного песчаника, костяной предмет с отверстием (он напоминает мундштук духовых музыкальных инструментов марийцев), наконечники стрелы из кости. Керамика и другие находки аналогичны материалам VII–VI вв. до н.э. из памятников Марийского края. Этим же временем можно датировать слой начала РЖВ Малахайского городища и отнести его к числу памятников со смешанными восточными (АКИО) и западными (культуры «текстильной» керамики) чертами. В связи с планирующейся подготовкой отдельной работы автора по характеристике вещевых комплексов городища и верхнего селища в данной работе они не привлекаются.

Нижнее поселение практически исследовано полностью. Несмотря на значительные нарушения культурного слоя вследствие процесса берегового разрушения на селище изучены остатки двух жилищ. Это были прямоугольные в плане наземные сооружения шириной 4,7–5,1 м (длина не сохранилась), с углубленным на 15–20 см полом, из горизонтально положенных бревен, скрепленных по углам столбами (Халиков, 1977, рис. 3, 1, с. 8; Патрушев, 1986, рис. 12, с. 24, 25). Потолок или крыша, очевидно, представляли собой наклонный скат, обмазанный для тепла глиной. Внутри жилища помещался длинный очаг в виде корытообразного углистого пятна. У одного из жилищ в конце по узкой стороне дома имелся вход и рядом с ним выложенный плитками известняка жертвенник (рис. 8). В районе жилищ найдено много обломков глиняной посуды, плоскодонных и чашевидных тиглей, литейных форм, кости диких и домашних животных, бронзовый двухлопастный втульчатый наконечник стрелы с боковым шипом, спиральная височная подвеска из серебра, медная накладка от налобных украшений с орнаментом из точечных линий, налобная накладка и трубчатая пронизка, костяные предметы (рис. 13: 1–25) (Патрушев, 1971, рис. 17). По датам находок селище, очевидно, функционировало одновременно с городищем.

Мари-Луговское селище (рис. 1: 26). На широком мысу надлуговой террасы левого берега р. Волги на юго-восточной окраине д. Мари-Луговая Звениговского района Респу-

блики Марий Эл расположен археологический комплекс, состоящий из поселений эпох бронзы, раннего железа, болгарского селища, могильника IV–VI вв. н.э. и кладбище XIV–XVI вв. (Горюнова, 1934, с. 73; Халиков, 1962, с. 158, 159). Потревоженный слой эпохи бронзы и раннего железа в виде серого гумированного песка или супеси дал две разновременные группы керамики. Первая из них А.Х. Халиковым (1962, с. 158) отнесена к числу позднеприказанских и по аналогии с керамикой западных стоянок Казанского Поволжья датирована первой четвертью I тыс. до н.э. Любопытно заметить, что наряду с посудой с заглаженной поверхностью (1200 фрагментов, орнаментированной шнуровыми отгисками в сочетании с ямочными вдавлениями и отпечатками гребенчатого штампа), имеется значительное число фрагментов (около 500) с текстильными отпечатками. Все сосуды круглодонные, с примесью песка и толченых раковин в тесте. Вторая группа сосудов (около 300 фрагментов), генетически связанная с первой, по втульчатому наконечнику стрелы из бронзы с боковым шипом датирована VII–VI вв. до н.э. (Патрушев, 1986, с. 25). По форме и орнаменту эта группа близка к керамике других памятников Марийского края (Малахайских городища и селища, Токаревского городища).

Сиухинское поселение (рис. 1: 6) расположено в 900 м к СЗ от д. Сиухино Троицко-Посадской сельской администрации Горномарийского района Республики Марий Эл на останце коренной террасы правого берега р. Юнга. Место поселения среди местных жителей известно под названием «городище», и исследователи предполагают наличие в древности укреплений. Но в настоящее время следов укреплений не сохранилось. Первые сведения о поселении как городище известны с 1934 г., в 1952 г. поселение посетила Р.В. Чубарова (1953). Поселение впервые исследовано в 1958 г. А.Х. Халиковым (1962, с. 96–98). Раскопом общей площадью 324 м² установлено, что здесь кроме поселения РЖВ существовали кузница XII–XIII вв. и мольбище XVIII–XIX вв. Слой поселения в виде темно-серого супесчаника с золистыми включениями зафиксирован в южной части памятника. При осмотре поселения в 1973 г. нами собран интересный комплекс вещей: бронзовая пронизь с подтреугольными узорами на одной поверхности, фрагмент украшения (браслета или гривны), обломки глиняных чашевидных и плоскодонных тиглей, каменных форм для отливки, очевидно, наконечника копья, оселка и абразивного камня уплощенной формы с продольными желобками по широким плоскостям (Патрушев, 1986, с. 26). Поселение посетили также Б.С. Соловьев (1976) и А.И. Михе-

ева (2002). В 2009–2010 гг. Д.Ю. Ефремовой и Б.С. Соловьевым (2014, рис. 3, с. 225–240) исследована вся свободная площадь поселения. Исследователи пришли к выводу, что по керамическому комплексу памятник относится к своеобразной ананьинско-«текстильной» общности, что равнозначно представлению автора данной работы об ахмыловской культуре, тем не менее они оговаривают свою поддержку взглядов С.В. Кузьминых о двух самостоятельных культурах РЖВ на Средней Волге. По вещественным комплексам поселение ранее было датировано VII–V вв. до н.э. Возможно, судя по новым находкам, дату Сиухинского поселения следует ограничить VII–VI вв. до н.э. На раннюю дату указывает и многозонная орнаментация сосудов.

Поселение раннеананьинского времени существовало на месте городища «Иванова гора» (рис. 1: 11), расположенного на мысу коренной террасы в 2 км к СЗ от с. Малый Сундырь Усолинского сельсовета Горномарийского района Республики Марий Эл. Площадка (30×40 м), возвышающаяся над поймой р. Волги на 20–25 м, слабо задернована, а конец мыса выдувается. С напольной стороны площадка укреплена тремя валами и рвами. Памятник открыт Р.В. Чубаровой (1953) в 1952 г. В 1958 г. городище осмотрено МАЭ (Халиков, 1962). Зачисткой обнажения получен материал I тыс. н.э. и небольшое количество фрагментов сосудов с примесью толченых раковин в тесте. В 1960 г. на памятнике Г.А. Архиповым при участии автора проводились раскопки, вскрывшие площадь в 284 м² (Патрушев, 1964, с. 83–89). Круглодонная тонкостенная посуда с примесью толченых раковин и орнаментом из шнуровых, зубчатых и ямочных узоров (выделено 5 сосудов) обнаружена на участках по северо-восточному склону площадки городища. Слой с указанной керамикой в виде коричневатой супеси, вероятно, сполз (или сброшен) с площадки городища. Материал ананьинского времени имеет аналогии с керамикой Васильсурского II, Копаньского городищ и Малахайских поселений и может датироваться VII–VI вв. до н.э. (Патрушев, 1986, с. 27).

Очевидно, близкое к рассмотренным поселение существовало на Криушинской дюне Чебоксарского района Чувашской Республики (рис. 1: 29), где в слоях приказанской стоянки обнаружено значительное количество керамики, аналогичной посуде других памятников Марийского края. Кроме керамики, из Криушей происходят 4 кельта (2 с лобным ушком и по одному аозинско-меларского и ананьинского типов; Халиков, 1962, с. 106, 107).

Керамика АКЮ обнаружена на открытом автором Сомовском I городище (Патрушев, 1979). Оно расположено в 800 м к ЗЮЗ

от западного конца д. Сомовка Фокинского сельсовета Воротынского района Нижегородской области на высоком мысу, образованном коренной террасой правого берега р. Волги и глубоким оврагом. Площадка памятника (118×12–32 м) хорошо задернована и большей частью покрыта лесом. С нее открывается широкий вид на р. Волгу. Первая площадка узкой гривой шириной 2,5–1 м и длиной 83 м соединяется с другой площадкой (50×32 м) на коренной террасе, защищенной с запада валом и рвом. Если все это древняя система укреплений, то мы сталкиваемся с весьма интересным городищем. Впервые памятник был заселен, судя по находкам керамики балановского облика, еще во II тыс. до н.э. Здесь также встречены отдельные фрагменты сосудов позднего этапа приказанской культуры (Халиков, 1980), нередко с «текстильными» оттисками. Довольно многочисленна керамика эпохи раннего железа I тыс. до н.э. с примесью песка, украшенная ямками, зубчатыми или реже шнуровыми оттисками в сопровождении «текстильных» оттисков. Такая посуда известна из ряда поселений – Васильсурского, Ардинского и др., где она встречается в одних слоях с керамикой АКЮ. Последняя в единичных экземплярах встречена и на Сомовском I городище. Есть здесь и смешанная керамика – фрагменты с примесью песка, но с гладкой поверхностью, содержащие характерные узоры (горизонтальные оттиски шнура отдельно и в сочетании с зубчатым орнаментом и клиновидными вдавлениями) гребенчато-шнуровой керамики. Очевидно, слой РЖВ следует датировать VII–VI вв. до н.э. Материалы эпох бронзы и раннего железа, не выделяясь стратиграфически, находились в нижнем культурном слое в виде серой подзолистой супеси мощностью 15–30 см. Выше располагался слой темной гумированной супеси мощностью 10–25 см с находками керамики древнемарийского облика. На поселении в настоящее время проводились лишь рекогносцировочные раскопки. Четырнадцать небольшими раскопами в разных частях первой площадки вскрыто 196 м².

Аозинское II поселение обследовано в 1971 г. (Патрушев, 1972, с. 27–38). Оно располагалось в 450 м к востоку от д. Аозино Усолинского сельсовета Горномарийского района Республики Марий Эл на наклонной площадке у подножия коренной террасы правого берега р. Волги. С южной стороны площадка завершается шишкообразным возвышением и ложбинкой отделена от коренной террасы. Размеры площадки – 60×34 м. Шурф и две зачистки выявили культурный слой мощностью 10–25 см в виде серой зернистой супеси лишь в северной оконечности площадки. Здесь же обнаружены фрагменты

керамики с примесью толченых раковин в тесте, украшенные горизонтальными рядами ямок и шнуровых оттисков. По аналогии с посудой Копаньского и Малахайского поселений памятник можно датировать VII–VI вв. до н.э.

Несмотря на относительно небольшое число поселений раннеананьинского времени в рассматриваемом районе можно наметить некоторые их общие черты. Они располагаются компактными группами вдоль реки по два или четыре в каждой (рис. 1). В них представлены и городища, и селища. Например, четко выделяется западная группа памятников, включающая Васильсурское II, Хмелевское, Копаньское городища и Сиухинское селище. Расстояние между крайними памятниками около 30 км. Вторая группа поселений включает Малахайское селище, Токаревское городище, предполагаемое Иваногорское поселение. Протяженность между крайними памятниками составляет около 15 км. Третья группа памятников представлена Ельниковским и Звениговским городищами, Мари-Луговским, Криушинским неукрепленными поселениями. Подобное расположение поселений в эпоху раннего железа отмечено П.Н. Третьяковым (1941, с. 30): «такая группировка далеко не случайна, она отражает реально существовавшие в ту эпоху родовые и племенные связи, а также указывает на наличие определенных территорий, принадлежавших, по-видимому, отдельным группам». Им же указывается принадлежность отдельного поселения патриархальным большесемейным общинам (Третьяков, 1966, с. 119). В исторической литературе подобное деление известно под термином «патронимия»: семейная община (основная общественная единица в эпоху патриархально-родового строя), занимающая отдельное поселение, при разрастании делится, а группы разделившихся семей сохраняют между собой хозяйственную, общественную и идеологическую связь (Косвен, 1964, с. 6, 7). Очевидно, отдельные группы рассмотренных нами поселений являются патронимическими (или родовыми). Особенно отчетливо выделяются две первые указанные группы (рис. 1). При этом любопытно заметить, что внутри каждой группы выделяются по два, удаленных всего на 2–3 км, поселения (рис. 1): Васильсурское II и Хмелевское городища; Копаньское городище и Сиухинское поселение; Токаревское городище и Малахайские поселения.

Рассмотренные городища и селища по топографическому расположению близки к памятникам АКИО Ветлуги, Вятки и Камы. Городища располагаются на возвышенных местах (за исключением Токаревского), селища на более низких местах. Площади горо-

дищ Марийского края небольшие: Копаньское – 900 м², Малахайское – 1105 м², Васильсурское – 1250 м²). В этом отношении они наиболее близки ветлужским (Одоевское – 900 м², Богородское – 1280 м²) (Бадер, 1961, с. 114, 115, 140, 141). Для камских и вятских городищ обычной является площадь в 3–4 и даже более 10 000 м², например, Усть-Нечкинское и Мальковское городища на р. Каме (Збруева, 1952, с. 268).

Среди вещевых комплексов раннеананьинских поселений Марийского края наибольшее значение имеет керамика, поскольку она является своеобразным этнокультурным показателем. Оговоримся, что некоторые исследователи в настоящее время в АКИО объединяют отдельные культуры – постмаклашевскую, аозинскую, ананьинские шнуровой керамики и гребенчато-шнуровой керамики (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 33–54). Автор полагает, что подобная дифференциация не характерна для Марийского края, поскольку стратиграфически разные группы керамики не выделяются. Автор в данной работе характеризует керамические комплексы ананьинского облика ряда поселений в целом. Исследователи на материалах данной работы могут сами определить характерные особенности основных керамических комплексов.

Наиболее массовой является керамика Малахайского поселения. Из многочисленных фрагментов в двух раскопах 1970 г. по верхним частям сосудов удалось выделить 392 сосуда. Для характеристики керамического материала считаю возможным привлечь неопубликованные материалы рекогносцировочных работ 1963 г., проведенных А.Х. Халиковым. Итого из Малахайского поселения происходит 420 сосудов. Абсолютное большинство сосудов обладают всеми характерными признаками керамики АКИО – лепные, круглодонные, в преобладающем большинстве случаев с примесью толченых раковин в тесте, хорошего обжига, тонкостенные, плотные, темно-серого цвета, близкие к чашевидным формам, украшенные по верхней части оттисками веревки, ямочными вдавлениями, нередко зубчатыми оттисками. Наиболее значительна группа сосудов, украшенных шнуровыми оттисками, нередко с ямками и реже с оттисками зубчатого штампа (39,07% из раскопов 1970 г.; рис. 9: 1–8; 10: 1–13). Другая группа украшена ямками и оттисками зубчатого штампа (рис. 11: 1; 12: 1–14). Третья группа украшена только ямками (30,69%; (рис. 11: 2–13). Всего 3,26% посуды не имеют орнаментации. Внешняя поверхность сосудов, как правило, хорошо заглажена. Лишь у 37 сосудов замечены следы штриховой зачистки; 3 сосуда украшены «сеткой», нанесенной полукруглым чеканом, зубчатым

штампом или оттисками веревки. Преобладают сосуды диаметром горла от 15 до 22 см. Но встречены и большие размеры: 50 сосудов имеют диаметр горла от 24 до 30 см, а 4 – до 40 см. Небольшое число сосудов имеет диаметр от 10 до 13 см. Большинство сосудов (62,4% от общего числа) имеют тонкие стенки толщиной 3–5 мм, у остальных толщина стенок достигает 6–9 мм. Принимая во внимание профилировку горла, можно говорить об абсолютном преобладании горшковидных форм сосудов (93%), имеющих или отогнутое (26,7%), или прямое и слегка прикрытое горло (66,4%), лишь 29 сосудов имеют форму закрытых (22 экз.) или открытых (7 экз.) чаш (Патрушев, 1971, табл. 3).

I тип (279 экз., 66,4% из общего числа выборки) представлен сосудами с прямыми или слегка прикрытым горлом. У большинства из них горло плавно переходит в чашевидное тулово (тип I–1). 14 сосудов имеют более резкий переход горла в округлое тулово (тип I–2). Преобладают сосуды с плоским (157 экз.) и округлым (92 экз.) краем венчика. Имеются также сосуды с отогнутым (30 экз.), Г-образным (11 экз.), Т-образным (3 экз.), кососрезанным (5 экз.) краем венчика. У 17 сосудов венчики имеют небольшие наплывы.

2 тип (112 экз., или 26,7%) включает сосуды с отогнутыми горлом. У большинства из них слабо отогнутое горло, плавно переходящее в чашевидное тулово (тип II–1). Лишь 5 сосудов имеют более резкий переход горла в выпуклое тулово (тип II–2). Края венчиков плоские (78 экз.), округлые (31 экз.), отогнутые (3 экз.). К сосудам с плоским краем венчика отнесены сосуды с Г-образным (8 экз.) и Т-образным (3 экз.) венчиком.

3 тип (29 экз., или 6,9%) состоит из чашевидных сосудов закрытых (тип III–1) или открытых (тип III–2) форм. Края венчиков плоские, реже слегка закругленные.

Из общего числа сосудов только 7 не орнаментированы. Остальные сосуды декорированы в верхней части. У 65 сосудов (15,5%) орнамент в виде оттисков зубчатого штампа (48 экз.), насечек или резных узоров (13 экз.), мелких ниточно-хаотичных оттисков (4 экз.) имеется и по краю венчика.

Орнамент, как правило, расположен на сосудах горизонтальными зонами. Из элементов декора чаще всего встречаются ямочные вдавления (на 336 сосудах), причем первое место по частоте употребления занимают клиновидные вдавления, нередко нанесенные зубчатым штампом (141 экз.), второе – круглые ямки (138 экз.), третье – глазчатое (круглые ямки нанесены на косые оттиски зубчатого штампа или клиновидные вдавления (114 экз.)). Реже встречены неправильные (50 экз.) и треугольные (15 экз.) ямки. Круглые ямки, почти без

исключения, сопровождаются «жемчужинами» с внутренней стороны сосуда. На одном сосуде нередко сочетаются различные ямки. Нанесение узора различным зубчатым штампом отмечено в 190 случаях, из них короткими (3–4 зуба) в 113, длинным (5–7 зубов) в 36, двузубым и однозубым в 41 случае. Двузубый или однозубый оттиск с коротким или коротким с длинным оттиском нередко встречены вместе на одном сосуде. Иногда зубчатый штамп использовался для заглаживания поверхности (найден 3 венчика и 4 стенки).

Если общее количество ямочных вдавлений и оттисков зубчатого штампа возрастает за счет совместного нанесения различных видов, то количество шнуровых оттисков указывает и на соответствующее число сосудов (158 экз.). Лишь на одном сосуде встречено сочетание ряда мелкого шнура с 3 рядами крупного. Преобладают оттиски среднего шнура (105 экз.), реже встречены отпечатками очень мелкого шнура, а 8 сосудов украшены своеобразными «обратными» оттисками шнура (волоками слева направо).

Элементы орнамента в виде насечек и резных линий в основном используются для украшения края венчиков. Лишь на 3 сосудах проведены узкие клиновидные полосы, вероятно, костяными остриями. На 17 сосудах встречены различные мелкие наколы, нанесенные или костяным острием, или однозубым штампом.

Каждый из указанных элементов орнамента в чистом виде составляет небольшой процент из общего числа сосудов: рядом ямок украшено 144 сосуда (34,7%), из них круглыми – 44, клиновидными – 63, глазчатыми – 26; косыми или горизонтальными рядами зубчатого штампа орнаментировано 17 сосудов (4,4%). Лишь 4 сосуда содержат одну или две горизонтальные зоны из 3–4 оттисков шнура (0,9%). Для орнаментации большинства сосудов характерно сочетание в одном узоре различных элементов, расположенных горизонтальными зонами. Шнуровые оттиски в сочетании с ямочными вдавлениями встречены на 81 сосуде; 12 сосудов орнаментированы шнуровыми и зубчатыми оттисками; 30 сосудов содержат шнуровые, зубчатые оттиски и ямочные вдавления; на 43 сосудах ямочные вдавления встречены в сочетании с зубчатым штампом.

Узоры в виде зигзагов, треугольников, ромбов из оттисков зубчатого штампа встречены всего лишь на 18 сосудах. Только 4 сосуда содержат волнистый крестовый узор, выполненный однорядным шнуром. Небольшая группа сосудов с примесью песка в тесте по форме и орнаментации весьма близка к первой группе. Два из них орнаментированы одним рядом неправильных ямок.

Керамика Копаньского городища представлена 34 круглодонными сосудами темно-серого цвета с примесью толченых раковин в тесте (кроме одного), в большинстве случаев с заглаженной поверхностью (28 экз.), орнаментированных в верхней части (Патрушев, 1971, табл. Е, XII). Посуда с плавным переходом от слабо профилированного горла к выпуклому тулову (91,1%) с округлым (41,2%), плоским (35,3%) краем венчика, реже с валикообразным утолщением (14,8%), бортиком (5,9%) или утонченным (2,9%) венчиком.

Из элементов орнамента наиболее часто встречаются ямки (26 экз.), из них в чистом виде круглых в один ряд – 3 экз., глазчатых – 2 экз., клиновидных – 1 экз. Ямки в сочетании со шнуровыми оттисками встречены на 5 сосудах, в сочетании с оттисками зубчатого штампа – на 7, а ямка в сочетании со шнуровыми и зубчатыми оттисками – на 8. Шнуровые оттиски в сочетании с другими элементами встречены на 13 сосудах, зубчатые оттиски – на 15. Ни в одном случае не прослежены шнуровые или зубчатые оттиски в чистом виде, а также сочетание шнуровых и зубчатых оттисков.

По форме верхней части среди сосудов Копаньского городища можно выделить три типа (Патрушев, 1971, табл. Е):

1 тип (27 экз. или 79,1%; Патрушев, 1971, табл. VIII: 3, 5–11) – сосуды с диаметром горла от 10 до 42 см. Большинство сосудов имеет плавный переход горла к тулову. Лишь один сосуд, орнаментированный оттисками зубчатого штампа и одним рядом ямок, имеет выраженные плечики.

В орнаменте остальных сосудов данного типа можно отметить некоторые особенности, не встреченные на сосудах последующих типов. Пять сосудов украшены многозонным узором из 3–5 зон шнуровых оттисков в 3–7 рядов, чередующихся 3–5 рядами круглых, клиновидных ямок. На 4 других сосудах две зоны шнура разделены косыми оттисками зубчатого штампа, а ниже выделяется ряд глазчатых ямок. Три сосуда орнаментированы только рядами круглых, клиновидных или неправильных ямок (в одном случае наряду с круглыми ямками содержатся слабые «текстильные» отпечатки). Один сосуд украшен вертикальными оттисками крупного 6-зубого штампа, под которыми проходит горизонтальный ряд круглых ямок.

II тип (5 экз., или 14,8%; Патрушев, 1971, табл. XIII: 1, 2, 7, 12) – сосуды с отогнутым горлом, плавным переходом от горла к тулову (без выраженных плечиков), плоским (3 экз.) или округлым (2 экз.) краем венчика. Своеобразен орнамент трех сосудов. На двух стенках – у венчика и на внутренней стороне сосуда; в одном случае – косыми оттисками мелкозубчатого штампа (край венчика украшен

круглыми наколами), в другом – полукруглыми ямками, сопровождающимися на внешней поверхности «жемчужинами». На одном сосуде нанесена сплошная зона многорядных оттисков шнура, а на ней – горизонтальный ряд чередующихся круглых и вертикально поставленных клиновидных вдавлений, ниже – короткий зигзаг из клиновидных вдавлений. Под зоной шнуровых оттисков – косые и горизонтальные оттиски зубчатого штампа с втиснутыми между ними по три клиновидными ямками.

III тип представлен двумя (6% от общего числа сосудов) чашами закрытой формы, с округлым краем венчика. Диаметры горла 18–20 см, толщина стенок 6–7 см. Орнамент – один ряд круглых или неправильных ямок и «текстильные» отпечатки.

Облик сосудов Копаньского городища весьма близок керамическим комплексам Малахайского поселения. Также близки к ним немногочисленные находки из других отмеченных выше поселений.

Таким образом, керамика рассмотренных нами памятников достаточно однотипна. Общими для посуды поселений раннеананьинского времени являются следующие черты: в форме – преобладание сосудов без плечиков; в орнаментации – широкое распространение ямок или узоров в сочетании ямок и шнуровых оттисков. К чертам сходства с памятниками АКИО следует прибавить близкие пропорции сосудов (приземистая форма), одинаковые размеры и обработку поверхности: для всей посуды АКИО характерна заглаженная поверхность. Различие в делении на сосуды с прикрытым или отогнутым горлом, с плавным или резким переходом горла в тулово наблюдается лишь в процентном соотношении. То же самое можно отметить по отношению орнаментации сосудов, в частности, элементов орнамента. Поэтому своеобразие керамики Марийского Поволжья следует рассматривать, прежде всего, как локальные особенности единой ананьинской культурно-исторической общности. Исключая уже отмеченные нами черты сходства с городецко-дьяковской керамикой, отметим ряд специфических черт посуды памятников Марийского края.

Преобладающей формой сосудов являются сосуды I-го типа со слабо профилированным прямым или прикрытым горлом (63% – Малахайское поселение; 76,4% – Копаньское городище). Данный тип преобладает и в памятниках раннеананьинского времени на р. Ветлуге (например, III слой Богородского городища – 74,5%). Сосуды 2-го типа с плавным переходом шейки в тулово составляют, соответственно, 25,5% (Малахайское поселение) и 21,5% (III слой Богородского городища), с

резким переходом горла в тулово – соответственно 1,2% и 4%. В материалах ветлужских городищ нет сосудов 3-го типа, в то время как на волжских поселениях они составляют относительно большой процент (6,9% – Малахайское поселение).

Орнаментация сосудов указанных групп находит различия в соотношении элементов орнамента и узоров. В ветлужской керамике, насколько позволяют судить данные о ней, значительно преобладают оттиски шнура и зубчатого штампа. М.В. Воеводский отмечает 80–95% шнурового орнамента в керамике 1 группы ветлужских городищ. Малахайское поселение дало 37,6% сосудов со шнуровым орнаментом. Зубчатый орнамент среди сосудов ветлужской группы также составляет значительный процент (66,5% – III слой Богородского городища) по сравнению с посудой Малахайского поселения (35,2%). Реже встречается на Ветлуге ямочный орнамент. Круглая глубокая, глазчатая, клиновидная и неправильная ямки вместе взятые составляют всего 18%. Правда, к ямочным можно отнести часть выделенных В.Е. Стояновым в особую группу наколов и мелких круглых ямок (15%). Исследователем отмечена характерная деталь в ямочной орнаментации – отсутствие треугольных ямок и «жемчужин». На Малахайском поселении ямки занимают первое место (80%, их них треугольные – 3,8%; в большинстве случаев ямки сопровождаются «жемчужинами» (42,1%). Наколы здесь встречены редко (4%).

Из орнаментальных узоров на керамике III слоя Богородского городища чаще всего встречено сочетание оттисков шнура и зубчатого штампа (68,5%, или 31,5%). На сосудах Малахайского поселения они занимают соответственно 2,8% и 7,1%. На последних большее число сосудов украшено только ямочными вдавлениями (34,3%). Таковых нет в III

слое Богородского городища. Для ветлужской керамики характерны более сложные узоры. Волна, зигзаг, ромбы, треугольники, арочный, X-образный, кружковый орнамент составляет здесь 24,5% (на Малахайском поселении – 6,2%).

Таким образом, в форме ветлужской керамики прослеживаются такие черты, сближающие их с волжской, как близкое количественное соотношение посуды 1-го и 2-го типов, абсолютное преобладание сосудов с плавным переходом горла в тулово без выраженных плечиков. О.Н. Бадер (1961) указывает также на почти полное отсутствие «воротничка» в Поветлужье, которого нет и в волжских памятниках.

В орнаментации сосудов обеих групп наблюдаются значительные различия, прежде всего в количественном соотношении элементов орнамента. Но и здесь можно заметить общие черты. Например, специфичной чертой орнамента обеих групп является распространение «глазчатых» ямок.

Как видно из изложенного выше, керамический материал памятников Марийского Поволжья раннеананьинского времени имеет существенные черты, отличающие его от других районов АКИО. Этими чертами являются:

а) бытование сосудов с примесью толченых раковин в тесте и сосудов с примесью песка в тесте, в большинстве случаев с «текстильной» обработкой поверхности;

б) абсолютное преобладание сосудов с плавным переходом без плечиков, орнаментированных по горлу преимущественно ямками в сочетании шнура, гребенчатого штампа, отсутствие «воротничков».

Указанные черты своеобразия посуды являются одними из важнейших при выделении особенностей культуры Марийского Поволжья в раннем железном веке.

ЛИТЕРАТУРА

Архипов Г.А. Марийцы IX – XI вв.: (К вопросу о происхождении народа). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. 156 с.

Архипов Г.А., Патрушев В.С. Археологические исследования в Марийской АССР в 1969–1975 годах // Древние и современные этнокультурные процессы в Марийском крае / АЭМК. Вып. 1 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1976. С. 52–63.

Архипов Г.А., Патрушев В.С. Отчет о раскопках Ардинского городища в 1975 году. Йошкар-Ола, 1976. 136 с. / Архив ИА РАН. Р-1. № 5866.

Архипов Г.А., Патрушев В.С. Ардинское городище // Поселения и жилища Марийского края / АЭМК; Вып. 6 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Г.А. Сепеев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1982. С. 51–82.

Бадер О.Н. Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Отв. ред. В.Н. Чернецов. М.-Л.: АН СССР, 1951. С. 110–158.

Большов С.В. Могильник на острове Мольбищенский. Каталог археологической коллекции. Йошкар-Ола: МРНКМ, 1988. 34 с.

- Воеводский М.В.* Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // *Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья*. Т. III / МИА. № 22 / Отв. ред. В.Н. Чернецов. М.-Л.: АН СССР, 1951. С. 159–180.
- Горюнова Е.И.* Мари-Луговской могильник и селище // ПИДО. 1934. № 9–10. С. 171–179.
- Гуляев В.И.* К вопросу о связях городецких племен с югом в VII–VI вв до н.э. // *Историко-археологический сборник* / Отв. ред. Д.А. Авдусин, В.Д. Янин. М.: МГУ, 1962. С. 114–120.
- Ефремова Д.Ю., Соловьев Б.С.* Сиухинское поселение (предварительные итоги исследований 2009–2010 гг.) // *Ананьинский мир: истоки, связи, исторические судьбы* / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 225–240.
- Замятнин С.Н.* Скифский могильник «Частые Курганы» под Воронежом: (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910–1915 гг.) // СА. 1946. Т. VIII. С. 9–50.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // *Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья*. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.
- Каховский В.Ф.* Отчет о работе II отряда Чувашской археологической экспедиции за 1960 г. Чебоксары, 1960 / Архив ИА РАН. Р-1. № 2089.
- Косвен М.О.* Пагронимия и ее роль в истории общества. М.: Наука, 1964. 260 с.
- Кузьминых С.В.* Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (1 тысячелетие до н.э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1977. 21 с.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // *У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника)* / АЕС; Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГМЗ, 2009. С. 29–55.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // *Поволжская археология*. 2014. № 3 (9). С. 101–137.
- Либеров П.Д.* Хронология памятников Поднепровья скифского времени // *Вопросы скифо-сарматской археологии: (По материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.)* / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.: АН СССР, 1956. С. 132–167.
- Патрушев В.С.* Древнемарийские поселения второй половины I тыс. н.э. // *Археологический сборник: Труды VIII Всесоюзной студенческой конференции* / Отв. ред. Т.Д. Белановская. Л.: ЛГУ, 1964. С. 83–89.
- Патрушев В.С.* Отчет об археологических разведках по левому берегу реки Волги от деревни Кокшамары МАССР до села Михайловское Горьковской области, проведенных в 1964 году. Йошкар-Ола, 1965. 63 с. / Архив ИА РАН. Р-1. № 5227.
- Патрушев В.С.* Отчет о работах 2-го Марийского отряда Чебоксарской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1970 году. Москва-Казань, 1970. 124 с. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4100.
- Патрушев В.С.* Отчет о работах 2 Марийского отряда Чебоксарской археологической экспедиции в 1971 году. Москва-Йошкар-Ола, 1972. 262 с. / Архив ИА РАН. Р-1. № 4524.
- Патрушев В.С.* Отчет о полевых исследованиях в Горномарийском районе Марийской АССР в 1973 году. Йошкар-Ола, 1974. 108 с. / Архив ИА РАН. Р-1. № 5146.
- Патрушев В.С.* Отчет об исследованиях археологической экспедиции Марийского государственного университета в 1978 году. Йошкар-Ола, 1979. 364 с. / Архив ИА РАН. Р-1. № 7460.
- Патрушев В.С.* Отчет об исследованиях Малахайского городища в 1982 году. Йошкар-Ола, 1982. 88 с. / Архив ИА РАН. Р-1. № 9424.
- Патрушев В.С.* Отчет об исследованиях Малахайского городища и селища в 1983 году. Йошкар-Ола, 1984. 150 с. / Архив ИА РАН. Р-1. № 10037.
- Патрушев В.С.* Марийский край в VII–VI вв. до н.э.: (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984. 230 с.
- Патрушев В.С.* Начало эпохи раннего железа в Марийском крае: Учеб. пособие. Йошкар-Ола: МарГУ, 1986. 120 с.
- Патрушев В.С.* У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 122 с.
- Патрушев В.С.* Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени // *У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника)* / АЕС; Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕГМЗ, 2009. С. 64–75.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.
- Смирнов А.П.* Железный век Чувашского Поволжья / МИА. № 95. М.: АН СССР, 1961. 171 с.

Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. / МИА. № 5. М.-Л.: АН СССР, 1941. 150 с. + 71 илл.

Третьяков П.Н. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары: Чув. гос. изд-во, 1948. 76 с.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.- Л.: Наука, 1966. 308 с.

Трубникова Н.В. Племена городецкой культуры // Археологический сборник / ТГИМ. Вып. XXII / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: ГИМ, 1953. С. 63–96.

Халиков А.Х. Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции 1958 г. Йошкар-Ола, 1959 / Архив ИА РАН. Р-1. Д. 1874, 1874а.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Труды Марийской археологической экспедиции. Т. 2 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 7–187.

Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 264 с.

Халиков А.Х., Безухова Е.А. Второе Васильсурское городище // Халиков А.Х., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Архипов Г.А., Безухова Е.А. Отчет о полевых работах Марийской археологической экспедиции в 1958 год. Казань-Йошкар-Ола, 1960. С. 123–156 / Архив ИА РАН. Ф-1, Р-1. №1874.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Чубарова Р.В. Археологические экспедиции МарНИИ 1952 г. // УЗ МарНИИ. Вып. V: язык, литература, история. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1953. С. 285–291.

Информация об авторе:

Патрушев Валерий Степанович, доктор исторических наук, профессор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); valpatr92gmail.com

ANANYINO ANTIQUITIES FROM THE MARI LAND (ON THE BASIS OF SETTLEMENT MATERIALS)

V.S. Patrushev

The paper characterizes the antiquities of the Ananyino cultural and historical community of the Early Iron Age located in the Mari Volga region (9th/8th–6th centuries B.C.) represented by ten settlements (Ardinskoe, Malakhayskie, Kopanskoe, Siukhinskoe, Tokarevskoe, Vasilsurskoe, Siukhinskoe, Ivanogorskoe, Mari-Lugovskoe), as well as other individual locations. The most frequently discovered material of the ware complexes is ceramics. The characteristics of dishware from the Mari region are reflected in the collection from Malakhayskoe settlement (424 vessels determined on the basis of the upper parts): stucco, round-bottomed, typically containing an admixture of crushed shells, thin-walled and similar to cup-shaped forms. Most of the vessels are decorated with cord imprints, frequently with pitting and less frequently with imprints made by a toothed die; another group is decorated with pits and indented die imprints, and the third one - with pits only, whereas not more than 7 specimens feature no ornamentation. The absolute majority of vessels have all the characteristic attributes of ACHR ceramics. According to the modern classification they can be attributed to the Ananyino culture of comb-cord ceramics and the Post-Maklashevo culture. Ceramics from the Mari Volga region is most similar to the dishware from the sites of the Vetluga basin.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, settlements, ceramics, Middle Volga region, Ananyino cultural and historical community

About the author:

Patrushev Valery S. Doctor of Historical Sciences. Professor. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; valpatr92gmail.com

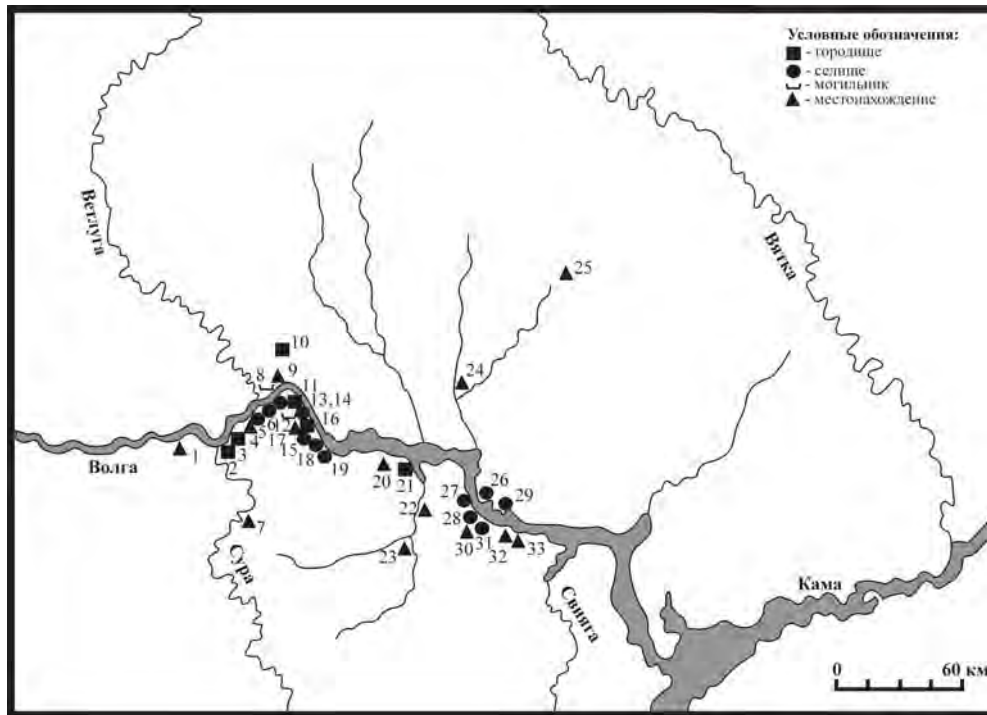

Рис. 1. Памятники начала РЖВ в Марийском крае и прилегающих районах: 1 – Сомовское; 2 – Васильсурское II; 3 – Хмелевское; 4 – Емангашское; 5 – Копаньское; 6 – Сиухинское; 7 – Сареевское; 8 – Старший Ахмыловский; 9 – Ахмыловское; 10 – Ардинское; 11 – Ивановское; 12 – Носельское; 13 – Акозинский; 14 – Акозинское II; 15 – Малахайское селище; 16 – Малахайское городище; 17 – Малахайские находки; 18 – Токаревское; 19 – Каршлыхское; 20 – Чебоксарское; 21 – Ельниковское; 22 – Акташевское; 23 – Цивильские находки; 24 – Княжнинское; 25 – Юронгинское; 26 – Мари-Луговское селище; 27 – Звениговское (Карабаши); 28 – Карамышевское; 29 – Криушинское; 30 – Криушинские находки; 31 – Карачевское; 32 – Альменевское; 33 – Кувшинское.

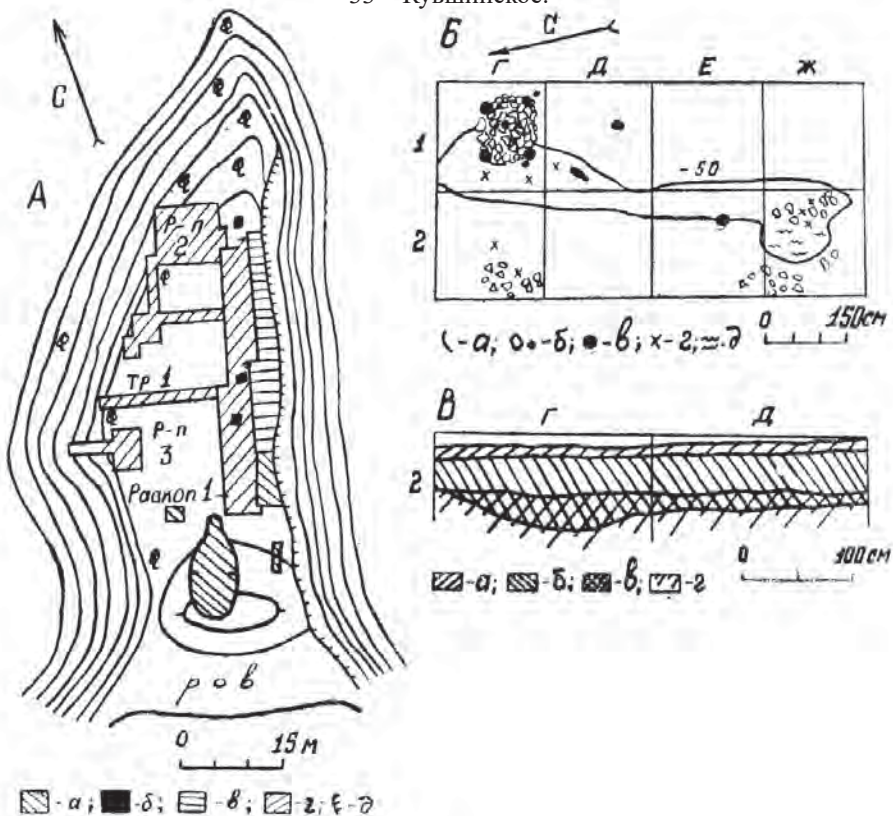

Рис. 2. Копаньское городище: А – план памятника (а – раскопы 1929 г.; б – шурфы 1950-х гг.; в – раскоп 1964 г.; г – раскопы 1971 г.; д – обрыв; горизонталы проведены через 5 м); Б – объекты в раскопе 1971 г. (а – контуры углистого пятна; б – камни; в – столбовые пятна; г – кости; д – зольные включения; в – профиль восточной стенки кв. Г-Д/2 раскопа I 1971 г. (а – дерн, подерновый слой; б – серая супесь; в – темная гумированная супесь с угольками; г – коричневатый суглинок).

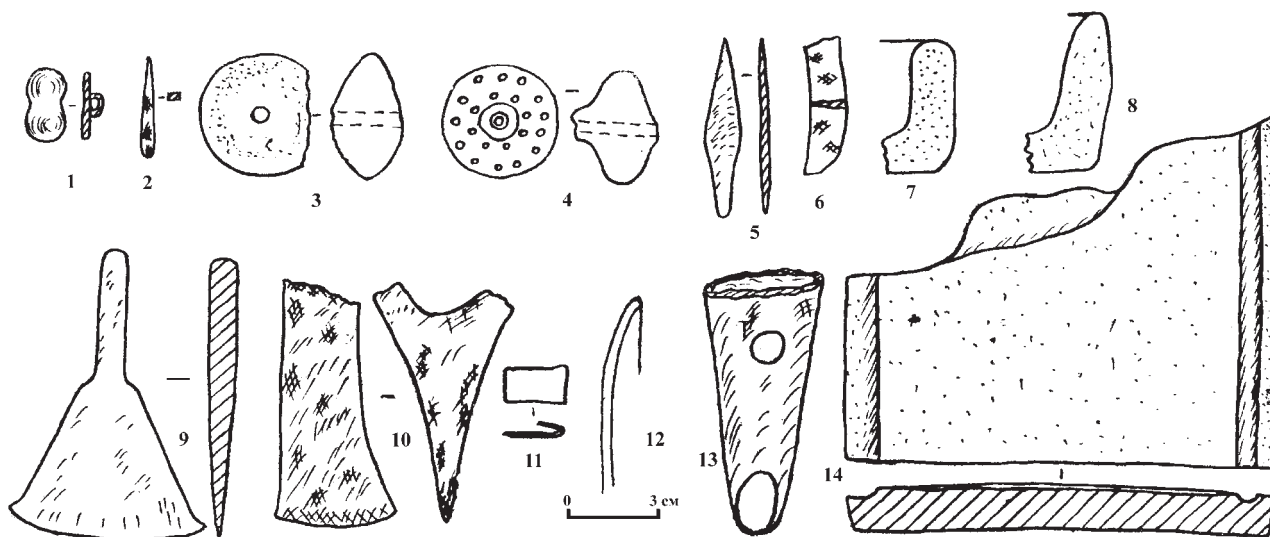

Рис. 3. Копаньское городище. Находки из раскопов 1971 г.: 1 – парная бляшка, 2 – шило, 3, 4 – пряслица, 5 – наконечник стрелы, 6 – нож, 7, 8 – фрагменты тиглей, 9 – лопаточка, 10 – фрагмент топора, 11 – медная пластинка, 12 – фрагмент тарелочки из человеческого черепа, 13 – наконечник мотыги, 14 – глиняная плита (1, 11 – медь, бронза; 2, 6, 10 – железо; 5, 7, 12, 13 – кость; 3, 4, 7, 8, 14 – глина).

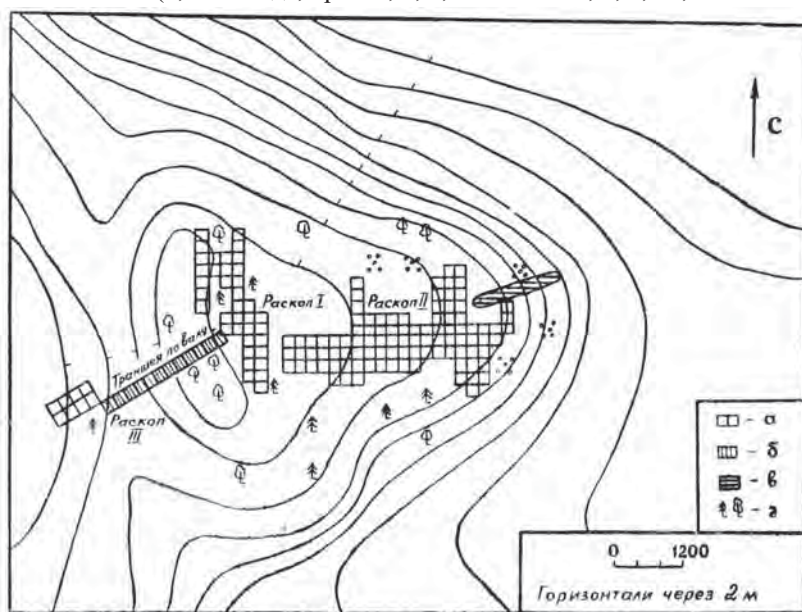

Рис. 4. План Ардинского городища (а – раскопы, б – траншея, в – поздняя траншея, г – деревья).

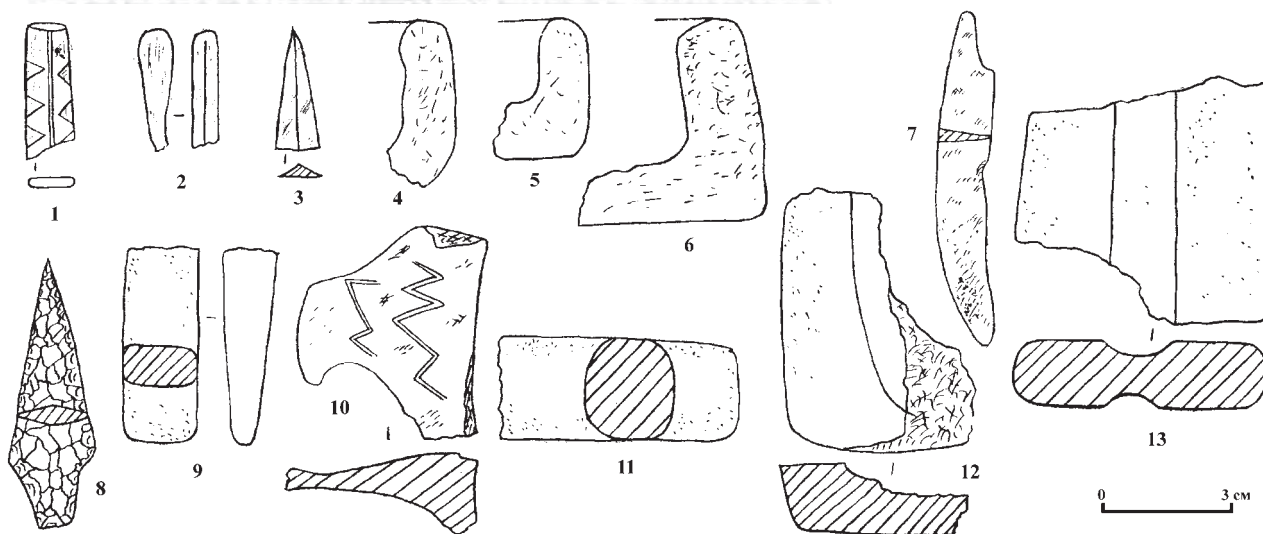

Рис. 5. Ардинское городище. Находки из нижнего слоя: 1, 2 – фрагменты украшений; 3 – наконечник стрелы, 4–6 – фрагменты тиглей; 7 – нож; 8 – наконечник дротика; 9, 11 – фрагменты оселков (точильных плиток); 10 – кость с резными знаками; 12 – фрагмент литейной формы; 13 – фрагмент каменного предмета (1–2 – бронза; 3, 10 – кость; 4–6, 12 – глина; 7 – железо; 8–9, 11, 13 – камень).

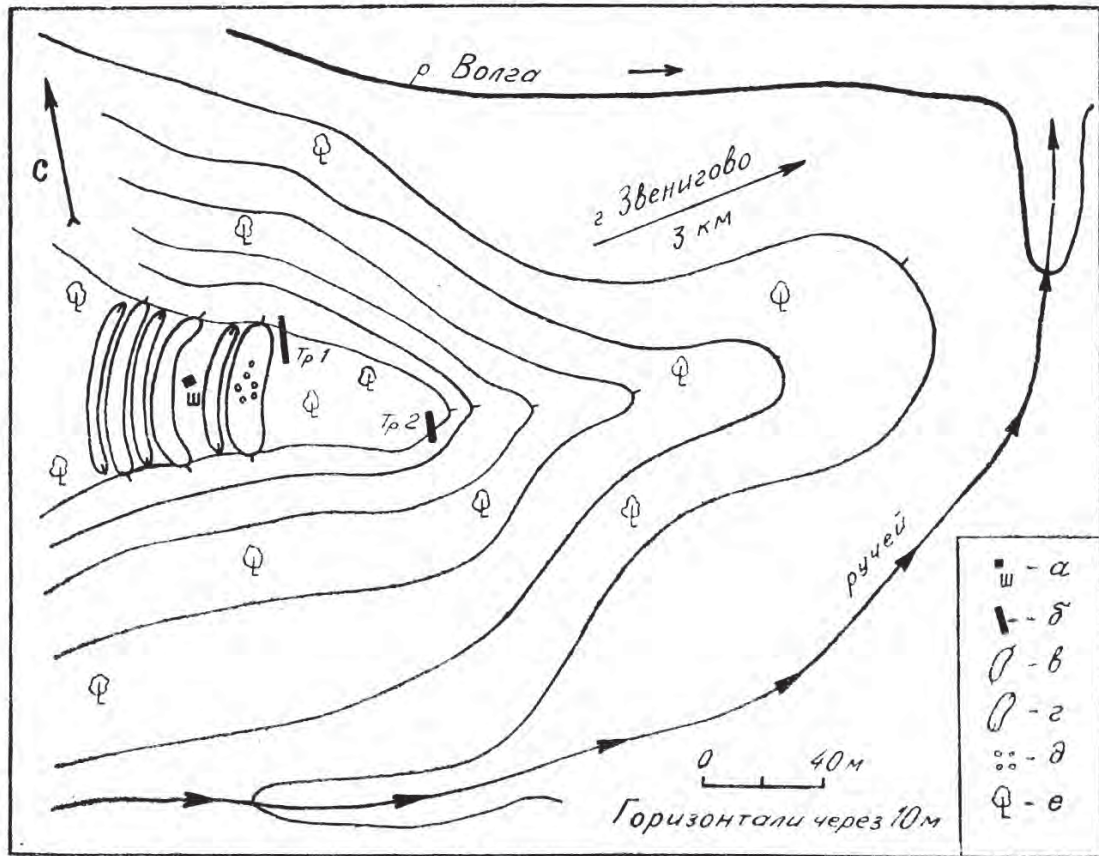

Рис. 6. План Звениговского городища (а – шурф, б – траншеи, в – валы, г – рвы, д – поздние ямы, е – деревья).

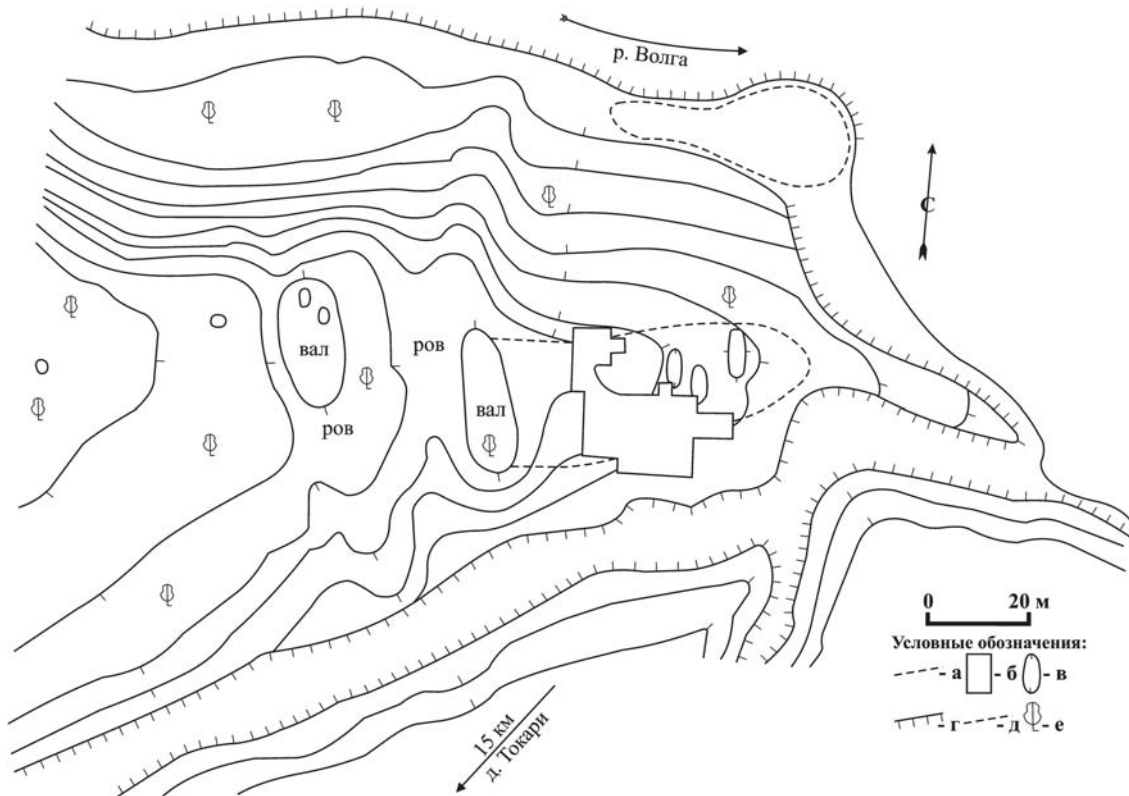

Рис. 7. План Малахайских поселений (а – площадка городища, б – раскоп, в – старые раскопы и шурфы, г – обрыв берега, д – площадка селища, е – деревья).

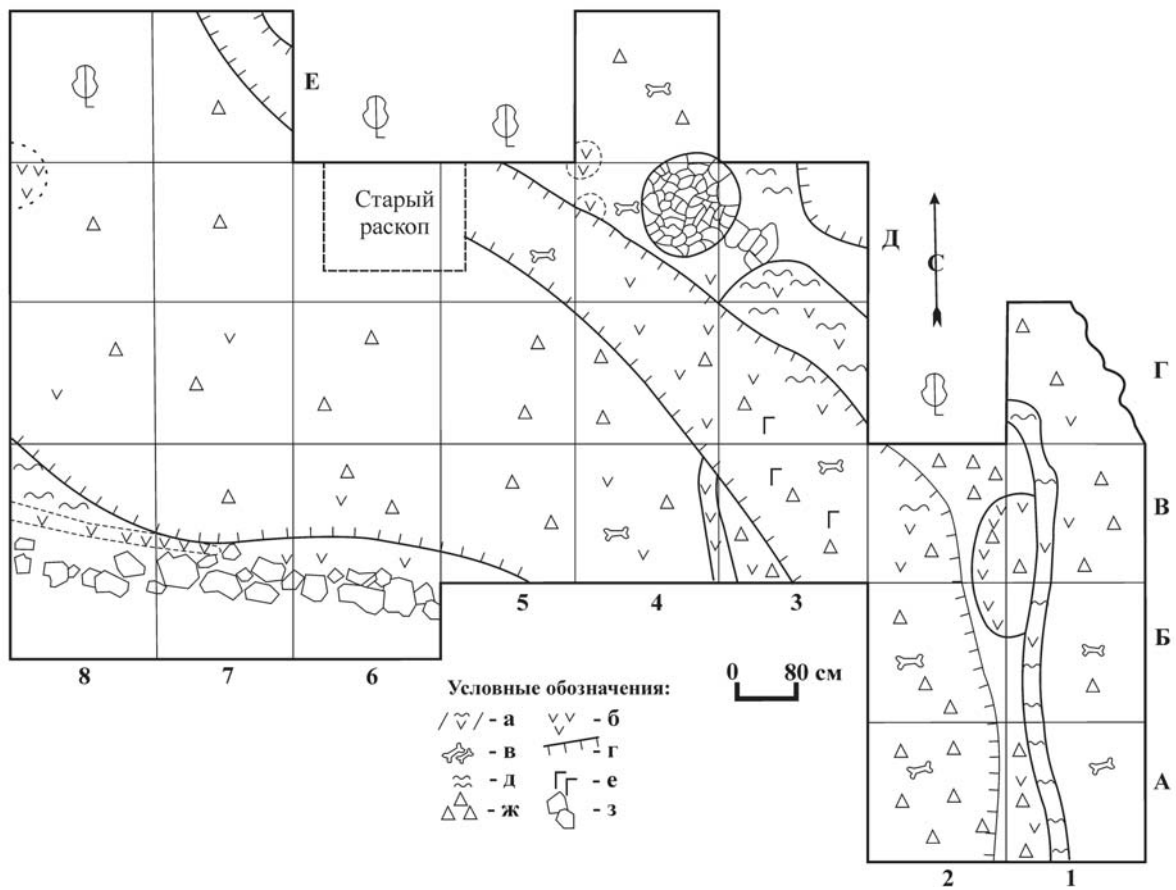

Рис. 8. Малахайское селище. План жилища 1 в раскопе I (а – контуры жилища 1; б – угольки; в – кости; г – граница разлома берега; д – зола; е – гумусные включения; ж – керамика; з – камни).

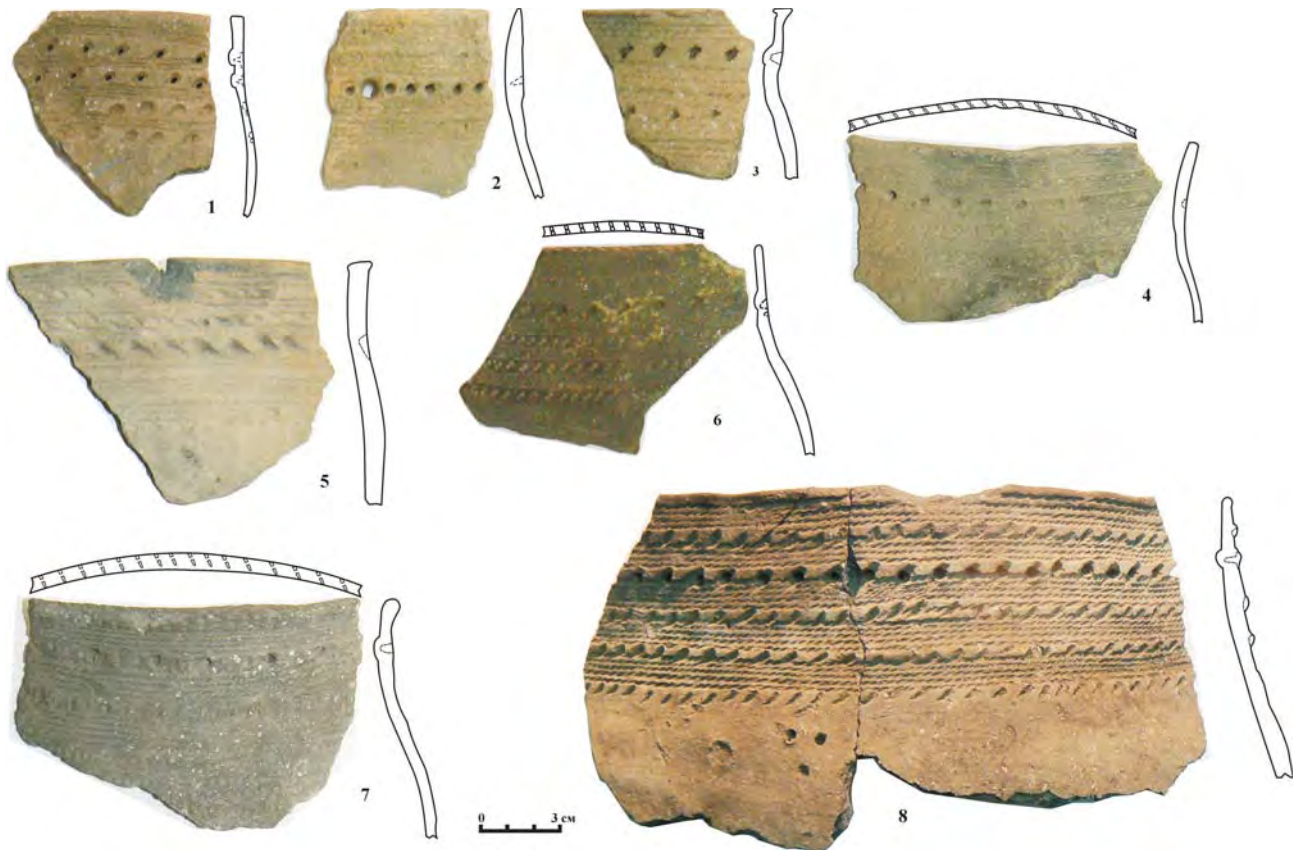

Рис. 9. Малахайское поселение. Ребенчато-шнуровая керамика. Шифр МП-70: 1, 4 – б/н; 3 – 212; 4, 6, 8 – 11; 5 – 140; 7 – 389.

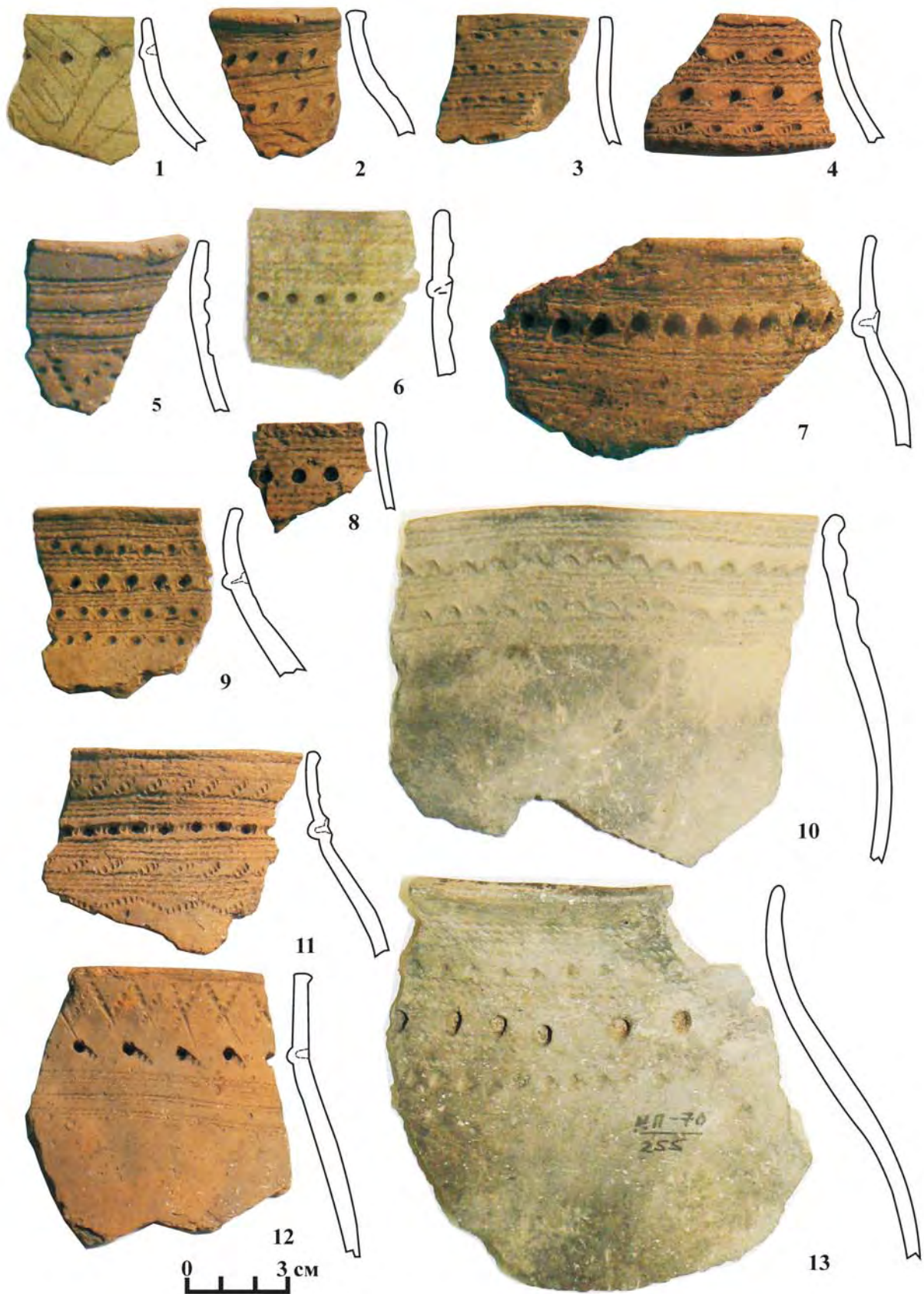

Рис. 10. Малахайское поселение. Гребенчато-шнуровая керамика. Шифр МП-70: 1 – 86; 2 – 393; 3 – 102; 4 – 105; 5 – 52; 6 – 160; 7,8 – б/н; 9 – 70; 10 – 174; 11 – 175; 12 – 180; 13 – 255.

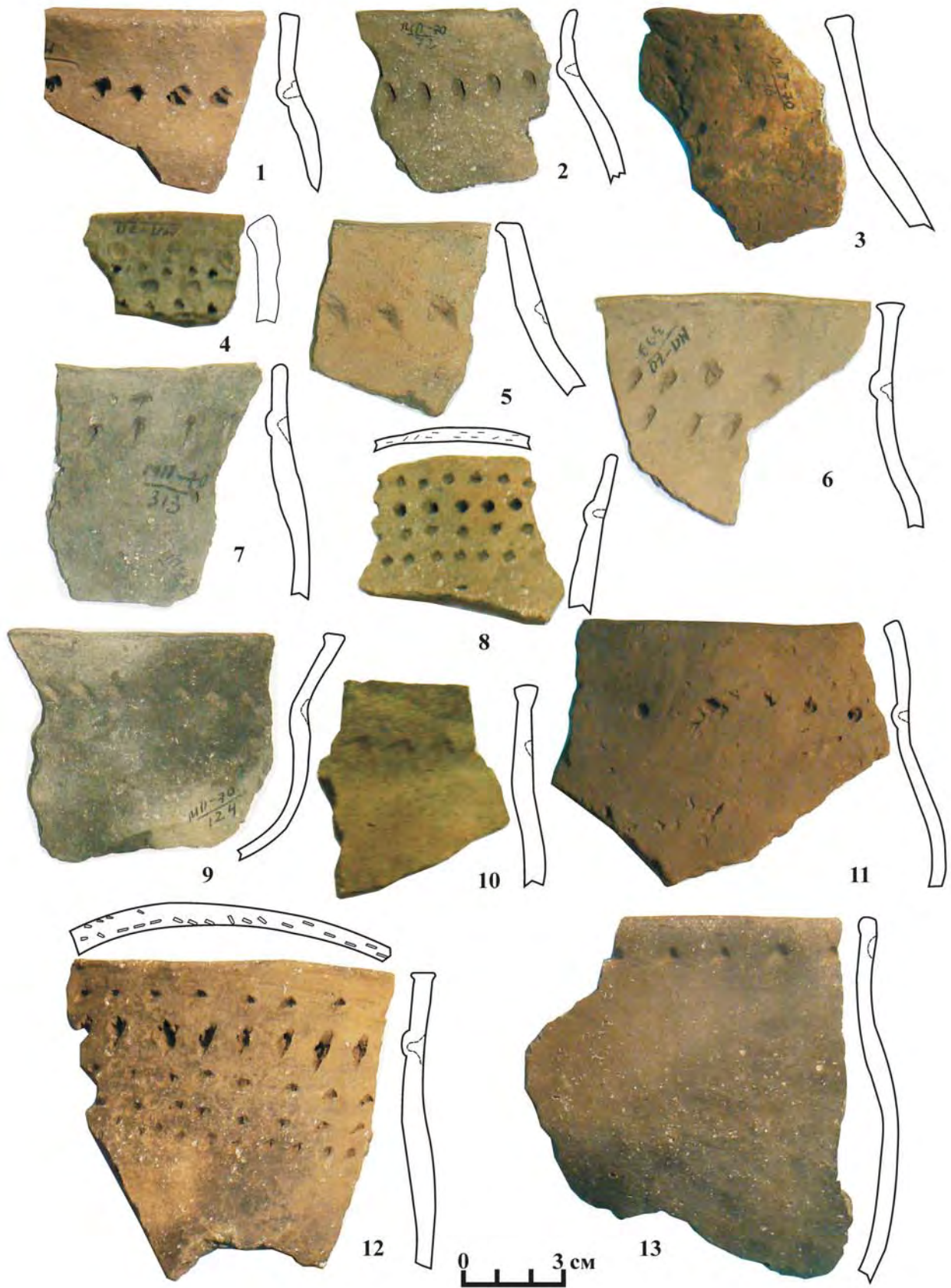

Рис. 11. Малахайское поселение. Керамика с ямочной орнаментацией. Шифр МП-70: 1 – 128; 2 – 72; 3 – 76; 4 – 139; 5 – 188; 6 – 399; 7 – 313; 8 – 50; 9 – 124; 10 – 274; 11 – 8; 12 – 379; 13 – 248.

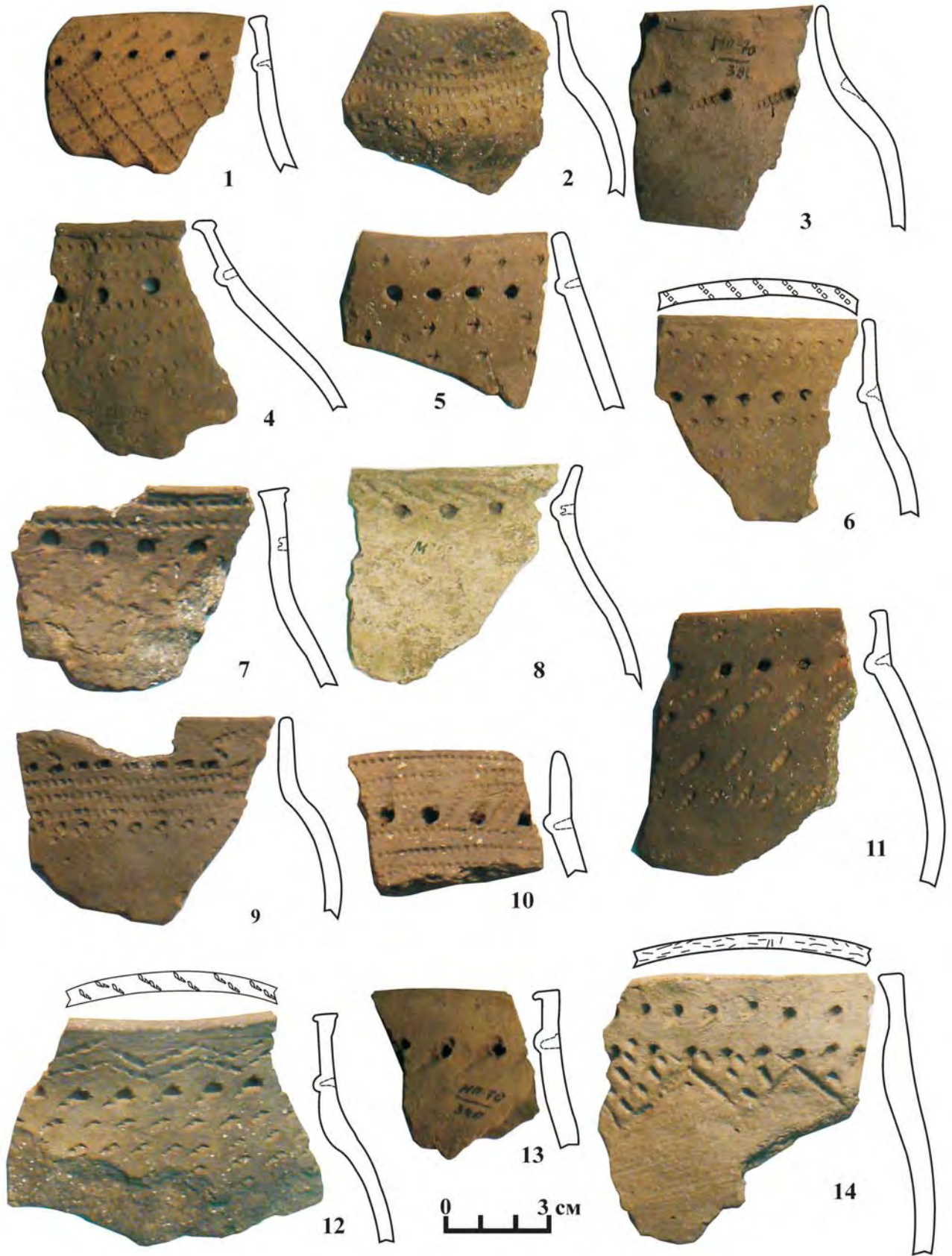

Рис. 12. Малахайское поселение. Керамика с ямочной орнаментацией. Шифр МП-70: 1 – 393; 2 – 175; 3 – 281; 4 – 10; 5 – 170; 6 – 59; 7 – 376; 8 – 131; 9 – 123; 10 – 140; 11 – 202; 12 – 28; 13 – 340; 14 – 193.

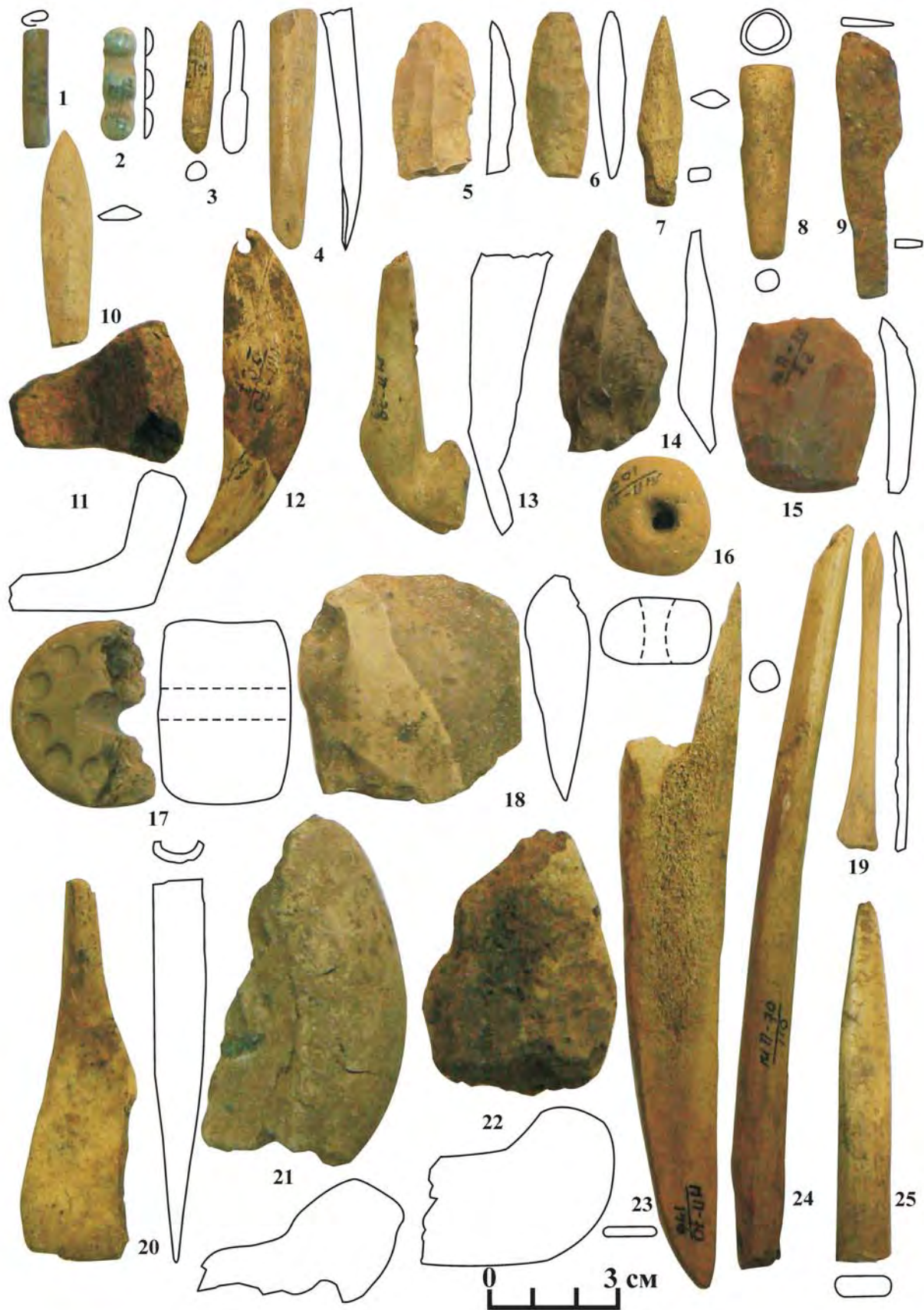

Рис. 13. Малахайское поселение. Индивидуальные находки. Шифр МП-70: 1 – 233; 2 – 232; 3 – 72; 4 – 236; 5, 6, 14, 18 – б/н; 7 – 200; 8 – 240; 9 – 217; 10 – 153; 11 – 62; 12 – 227; 13 – 102; 15 – 22; 16 – 100; 17 – 85; 19 – 126; 20 – 104; 21 – 39; 22 – 184; 23 – 146; 24 – 110; 25 – 133. 1, 2 – бронза; 3, 4, 7, 8, 10, 12, 13, 19, 20, 23–25 – кость; 5, 6, 14, 15, 18 – камень; 9 – железо; 11, 16, 17, 21, 22 – глина.

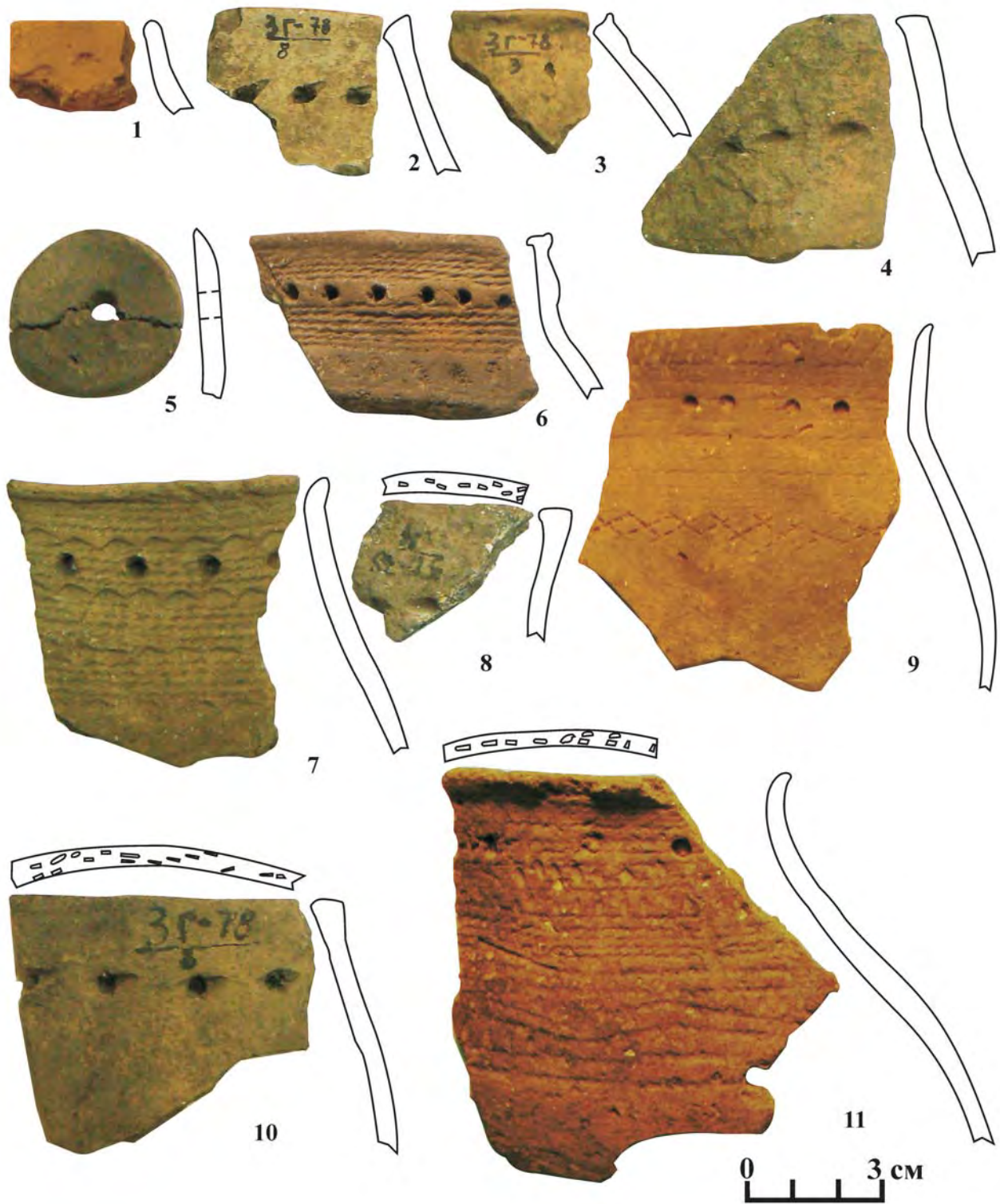

Рис. 14. Звениговское городище. АМ МарГУ, колл. 205, глиняная посуда и пряслице (5): 1 – 111; 2 – 8; 3 – 3; 4 – 1; 5 – 3; 6 – 30; 7 – 2; 8 – 4; 9 – 77; 10 – 8; 11 – 6.